

Валдай | Международный
Дискуссионный клуб

valdaiclub.com

Москва, февраль 2014

К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ – 2, ИЛИ РОССИЙСКИЙ РЫВОК К АЗИИ

Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»

К Великому Океану – 2, или российский рывок к Азии

*Доклад Международного
дискуссионного клуба
«Валдай»*

**Ответственный редактор
и руководитель авторского
коллектива**

Караганов Сергей Александрович

*д.и.н., декан факультета мировой
экономики и мировой политики
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики» (НИУ ВШЭ), Почетный
Председатель Президиума Совета
по внешней и оборонной политике
(СВОП)*

**Научные руководители
проекта**

Караганов Сергей Александрович

*д.и.н., Почетный Председатель
Президиума СВОП, декан факультета
мировой экономики и мировой
политики НИУ ВШЭ*

Ларин Виктор Лаврентьевич

*д.и.н., директор Института
истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Авторский коллектив:

Макаров Игорь Алексеевич

*к.э.н., преподаватель кафедры мировой
экономики НИУ ВШЭ (основной автор)*

Барабанов Олег Николаевич

*д.п.н., заведующий кафедрой политики
и функционирования Европейского Союза
и Совета Европы МГИМО МИД РФ, профессор
кафедры мировой политики НИУ ВШЭ*

Бордачев Тимофей Вячеславович

*к.п.н., директор Центра комплексных
европейских и международных исследований
НИУ ВШЭ*

Канаев Евгений Александрович

*д.и.н., профессор кафедры мировой
политики НИУ ВШЭ*

Ларин Виктор Лаврентьевич

*д.и.н., директор Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего
Востока ДВО РАН*

Рыжков Владимир Александрович

*к.и.н., профессор кафедры международных
экономических организаций и европейской
интеграции НИУ ВШЭ*

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды
и исследовательские позиции авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения
Международного дискуссионного клуба «Валдай».

Содержание

5	Краткое содержание и основные рекомендации
9	1. К Великому океану: от призывов к действию
9	1.1. Доклад «К Великому океану, или новая глобализация России» 2012 г. Основные положения
10	1.2. Поворот на Восток два года спустя: что изменилось с момента выхода доклада?
16	2. Экономико-политические процессы в АТР и место в них России
16	2.1. Азиатский рост перед новыми вызовами
20	2.2. Рост конфликтного потенциала в АТР
23	2.3. «Запрос на Россию» в странах АТР
32	2.4. К усилению интеграции России в АТР
37	3. Сибирь и Дальний Восток: переосмысление угроз и возможностей
37	3.1. Угрозы
44	3.2. Возможности
50	3.3. Новое осмысление ситуации в российской Арктике
54	4. Международное сотрудничество для развития Сибири и Дальнего Востока
54	4.1. Сибирь и Дальний Восток как поле компромисса
55	4.2. Экономические интересы зарубежных партнеров в Сибири и на Дальнем Востоке
58	4.3. Интересы зарубежных партнеров в отношении освоения российской Арктики
65	4.4. Барьеры для международного сотрудничества по развитию Сибири и Дальнего Востока
68	5. К новой стратегии развития Сибири и Дальнего Востока
68	5.1. Философия развития региона
70	5.2. К новой структуре управления Сибирью и Дальним Востоком
75	5.3. Транспортный каркас Сибири и Дальнего Востока
78	5.4. Северный морской путь как сердце российской Арктики
82	Источники

Благодарности

Данная работа является продолжением и развитием доклада «К Великому океану, или новая глобализация России», опубликованного Международным дискуссионным клубом «Валдай» в июле 2012 года, и базируется на выводах, полученных в этом докладе. В работе широко используется и материал, накопленный рабочей группой по подготовке раздела «Россия – страна регионов» проекта СВОП «Стратегия 21» (руководители группы – *В.А. Рыжков, Р.Ф. Туровский*).

Авторы выражают глубокую признательность за конструктивные идеи и предложения участникам встречи Международного научного консорциума «Освоение последнего фронта Азии», Россия–Сингапур–Китай–Япония–Южная Корея–Норвегия, состоявшейся 17 сентября 2013 г. на полях X ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», а также участникам конференции «Освоение последнего фронта АТР. Международное сотрудничество для развития Сибири и Дальнего Востока», проведенной Консорциумом совместно с клубом «Валдай» 16–18 декабря 2013 г. в Сингапуре. Особую благодарность авторы выражают *Хуан Цзину*, директору Центра по изучению Азии и глобализации Национального университета Сингапура, *Ли Джан-Яну*, руководителю отдела России и СНГ Корейского института международной экономической политики; *Юкио Сато*, заместителю Председателя Японского Института международных отношений; *Ульфру Свердруп*, директору Норвежского института международных отношений; *Нобую Симотомаи*, профессору университета Хосэй, Япония; *Фэн Шаолэю*, декану Школы международных и региональных исследований Восточно-Китайского педагогического университета. Важным источником информации о позициях зарубежных партнеров стали подготовленные членами Консорциума аналитические записки.

Кроме того, авторы признательны за высказанные идеи всем участникам экспертного семинара «Будущее Сибири: проблемы и перспективы развития», прошедшего 12–13 октября 2013 г. в Красноярске.

Авторы опираются на многие идеи, представленные в докладе «Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года» под редакцией *А.А. Кокошина*; статье «Континент Сибирь. На пути от колониальной к глобальной парадигме развития» *В.Л. Иноземцева, В.А. Рыжкова* и *И.В. Пономарева*; книге «Сибирский вызов» *В.Л. Иноземцева* и *В.М. Зубова*, докладе «Сибирь – новая Центральная Россия. Как Юг Западной Сибири станет экономическим центром Планеты» под ред. *Ю.В. Крупнова*; материалах информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана», выпускаемого Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН и многие другие работы. Безусловно, авторами учтены отдельные положения Государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона».

Авторы выражают благодарность научному сотруднику РАНХиГС *Ю.О. Литвиновой* за подготовку информационно-аналитических материалов, которые использовались при написании некоторых частей доклада.

Авторы благодарят корпорацию «НОВАТЭК» и Группу «Сумма», чья финансовая помощь помогла при написании ряда разделов доклада.

Краткое содержание и основные рекомендации

С момента публикации доклада Валдайского клуба «К Великому океану, или новая глобализация России»¹ прошло почти два года. На уровне деклараций поворот российской политики на Восток произошел. Важность наращивания сотрудничества с Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР) осознается большей частью политической и интеллектуальной элиты. Однако пока не удалось наполнить азиатский вектор российской политики реальным содержанием. Политика развития восточных регионов страны фактически топчется на месте. Не удалось, вопреки надеждам на Саммит АТЭС во Владивостоке, достичь и прорыва в интеграции России в АТР.

За счет активности на многосторонних переговорных площадках и ряда объективных преимуществ России удалось добиться определенных успехов в позиционировании себя в рамках АТР. Начал формироваться запрос на участие России в решении региональных проблем. В условиях расту-

щего недоверия и роста конфликтности в регионе нацеленность России на мирное решение противоречий и отсутствие явных конфронтаций с какой-либо из стран АТР дают ей возможность претендовать на роль одного из гарантов безопасности региона. Постепенно, хотя и очень медленно, укрепляется и место России в национальных стратегиях государств АТР. Если ранее она воспринималась почти исключительно как восточноевропейская, а не как тихоокеанская держава, то сейчас возможностям взаимовыгодного взаимодействия с Россией в азиатских странах уделяется все большее внимание.

России следует продолжать выбранный курс на использование статуса «неприсоединившейся державы» в рамках многосторонней дипломатии, дополняя его интенсивным развитием двусторонних отношений со странами региона, а также осуществлением политики малых инициатив – инициирования сотрудничества в узких сферах,

в которых Россия может выступать в качестве полноценного участника или лидера.

Но главное – Россия сможет полноценно интегрироваться в АТР только перестав быть периферией для этого региона. Развитие Сибири и Дальнего Востока – российское окно в Азию. Оно должно рассматриваться в качестве важнейшего инструмента российского разворота на Восток как стратегической цели нового «Тихоокеанского»

ализации из Сибири и Дальнего Востока не получится (хотя развивать отдельные промышленные и высокотехнологичные отрасли и микрорегионы необходимо). Богатство региона в другом – в его пространствах, ресурсах, природе, а главное – в людях. Сибирь и Дальний Восток – последний фронт, крупнейший в мире территориальный массив, пока крайне слабо интегрированный в мирохозяйственные связи. В условиях, когда в международных

отношения стремительно возвращается геополитика, а природные факторы оказывают все большее влияние на мировую экономику, пространство и географическое положение Сибири превращаются в мощный ресурс развития.

Но использовать этот ресурс можно только силами талантливого, образованного и активного населения.

Развитие Сибири и Дальнего Востока – российское окно в Азию

века. Долгосрочное политическое усиление может быть лишь следствием экономического присутствия в регионе.

Для полноценного развития Сибири и Дальнего Востока необходимо:

1. Объективно оценить основные вызовы развитию региона. Следует отбросить мифы, утверждающие, что оно невозможно в условиях холодного климата и низкой плотности населения. В то же время, необходимо осознать реальные угрозы, связанные с ухудшением качества человеческого капитала и растущим пессимизмом населения в отношении их будущего в своей стране.
2. Трезво взглянуть на возможности. Никакого нового мирового центра индустри-

3. Признать, что основой новой экономики Сибири и Дальнего Востока останутся природные ресурсы. В использовании данных природой богатств нет ничего плохого. Важно, чтобы ресурсный сектор работал на благо региона. Для этого он должен не только создавать рабочие места, но и служить ядром для развития высокотехнологичных отраслей, обслуживающих его потребности – от производства оборудования для нефтедобычи до биотехнологий в сельском хозяйстве. Кроме того, сырье, энергия должны поступать на внешние рынки преимущественно на высоких стадиях переработки. Перерабатывающие производства могут осуществляться, прежде

всего, в городах юга Сибири, обладающих качественным человеческим капиталом и возможностями для его наращивания.

4. Кардинальным образом поменять институциональную среду в отношении освоения природных ресурсов региона. Необходимо обеспечить доступ к природным ресурсам Сибири не только государственным компаниям, но и малым предприятиям, и ино-

Основой новой экономики Сибири и Дальнего Востока останутся природные ресурсы, однако необходимо кардинальным образом поменять институциональную среду в отношении освоения природных ресурсов региона

странному капиталу (своих капитала и технологий не хватит), любому экономическому агенту, который сможет использовать тот или иной ресурс максимально эффективно. В Российской империи успехи в развитии Сибири и Дальнего Востока были связаны, в первую очередь, с частным предпринимательством, действовавшим при поддержке государства, обеспечивающего ему возможности для получения доходов и осваивавшего огромные территории. Задача государства в первую очередь – создавать все условия для полноценного развития бизнеса. И таким образом укреплять свой суверенитет.

5. Осуществить переоценку роли северных территорий в развитии страны. В условиях всеобщего роста интереса к Арктике пора перестать воспринимать их как бремя и начать осуществлять продуманную государственную политику использования ресурсного и транзитного потенциала региона. Основными принципами этой политики должны стать непрерывность государственного суверенитета над материковой и шельфовой зоной, обеспечение экологической безопасности и максимальное использование возможностей международного сотрудничества.

6. Принять новую философию развития региона. Сибирь и Дальний Восток – это не колония, не объект патерналистских усилий центра, не тыл и не фронт борьбы с внешними врагами. Это новый источник роста и окно в растущую Азию. Императив поддержки региона должен быть замещен императивом развития, а идеология ресурсного освоения – идеологией развития человеческого капитала.

7. Открыть регион для иностранных инвесторов, сняв основные барьеры, препятствующие их приходу. У России нет и никогда не будет достаточного количества ресурсов, чтобы реализовать сибирский проект самостоятельно. Это и не нужно. Освоение последнего фронта должно осуществляться всеми странами АТР под суверенным контролем России. Интерес

к развитию Сибири и Дальнего Востока в странах АТР быстро растет. Его реализации мешают институциональные и логистические ограничения, на устранение которых и должна быть направлена государственная политика развития Сибири и Дальнего Востока. Важными препятствиями выступают нехватка рабочей силы, неразвитость транспортной инфраструктуры, неблагоприятный деловой климат. Все эти проблемы можно решить. Главный на сегодняшний день барьер развития

зий и концессий необходимо, видимо, создание агентства развития Сибири и Дальнего Востока. Со временем его функции могут быть переданы регионам.

Беспрецедентный сдвиг экономической мощи в АТР предоставляет России возможность преобразить облик Сибири и Дальнего Востока – последнего фронта Азии

международного сотрудничества по развитию Сибири и Дальнего Востока – это недостаточная настойчивость России.

8. Отказаться от идеи социально-экономического развития всей территории востока страны и перейти к иной пространственно-географической модели развития, основанной на выделении особых экономических и геополитических зон. Во-первых, задачей государства должно стать привлечение инвесторов посредством обеспечения функционирования необходимых институтов (прежде всего, права), а также установления льготных налоговых и инвестиционных режимов, во вторых – поддержание социальной инфраструктуры и содействие притоку кадров необходимых специальностей и квалификации. Для организации работы особых зон и распределения лицен-

9. Усилиями государства нарастить транспортный каркас территории. Его ключевые элементы – Транссиб, порты Дальнего Востока, Северный морской путь, внутренняя водотранспортная система, сети скоростных железных дорог юга Западной Сибири и Приморья, сеть авиационного сообщения. Этот каркас нацелен на сжатие экономического пространства региона, преодоление континентальности внутренних районов, создание условий для экспорта производимой продукции и развития человеческого капитала Сибири. Он может быть дополнен и другими инфраструктурными проектами, осуществляемыми частным бизнесом или на основе государственно-частного партнерства.

10. Пора понять, что мир меняется, и мы должны меняться вместе с ним. Беспрецедентный сдвиг экономической мощи в АТР, обострение глобальных демографических, ресурсных и экологических проблем предоставляют России невиданные возможности. Мы получили шанс интегрироваться в глобальную экономику в качестве одного из ключевых игроков. Преобразить облик веками недооцениваемого региона – Сибири и Дальнего Востока – последнего фронта Азии. Придать новый импульс экономическому, духовному, политическому развитию страны. Мы не имеем права упустить такой подарок судьбы. Россия стоит на пороге нового периода своей истории. Пора двигаться вперед, к Великому океану.

1. К Великому океану: от призывов к действию

1.1. Доклад «К Великому океану, или новая глобализация России» 2012 г. Основные положения

В 2012 г. Международный дискуссионный клуб «Валдай» представил политическому и экспертному сообществу в России и за рубежом доклад «К Великому океану, или новая глобализация России». Данный доклад, «К Великому океану-2», является его продолжением и развитием, учитывает опыт реализации некоторых рекомендаций доклада и результаты его широкого, в том числе международного, обсуждения.

Авторы данной работы также исходят из того, что смещение центра тяжести, поворот российской внешней и внешнеэкономической политики в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона является естественным и первоочередным ответом на вызов, который ставит перед страной глобальный и разнообразный мир XXI века. На наших глазах произошел

беспрецедентно быстрый сдвиг центра мировой экономики и политики в Азию. Азиатский экономический рост стал локомотивом, к которому прикрепились многие страны мира, переориентировавшие свои экономики на поставки сырья и товаров в Китай, Индию, страны Юго-Восточной Азии. Ни одно ведущее государство современного мира не может претендовать на по-настоящему глобальный статус, если не присутствует мощно на Тихом океане.

Возможностями, которые открывает «век Азии», может и должна воспользоваться и Россия. Она пока в недостаточной мере интегрирована в экономические связи в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Благодаря экономическому и политическому усилению азиатских стран у России появляется шанс стать по-настоящему глобальной, евроатлантическо-тихоокеанской державой и извлечь из этого значительные выгоды. При безусловном сохранении общей социально-цивилизационной ори-

ентации на Европу Россия обязана сделать экономический и – частично – политический поворот в сторону Азии. Только тогда она сможет претендовать на статус великой державы XXI века.

Важнейшим препятствием полноценной «новой глобализации России» и включения ее в экономическое и политическое развитие АТР является латентная евроцентричность мышления российских элит, и главное – недостаточная развитость прилегающих к поднимающейся Азии восточных территорий России. Сибирь и Дальний Восток по-прежнему рассматриваются многими как геополитический тыл или экономическая полуколония. Такой взгляд ошибочен – Сибирь и Дальний Восток способны стать основой для российского экономического рывка. Для этого необходимы:

- Резкое усиление внешнеполитической активности России в АТР, создание всеобъемлющей, охватывающей и политические, и экономические аспекты, включая программу развития Востока России, стратегии новой российской азиатской политики.
- Перенос части столичных функций в город или города Сибири и Дальнего Востока, даже создание третьей столицы России в Сибири (а лучше – прямо на побережье Тихого океана), что заставило бы часть элит переориентировать свое мышление и экономическое и политическое поведение.
- Открытие всей России (через восточные территории) новой «поднимающейся Азии»; максимальная открытость Сибири

и Дальнего Востока для экономического взаимодействия с азиатскими соседями.

- Использование конкурентных преимуществ, которые азиатский рост предоставляет России, а не устаревших схем типа «новой индустриализации». К таким преимуществам относится обеспеченность пресной водой и пахотной землей, позволяющая производить продовольствие и высокотехнологичные водоемкие и энергоемкие товары, азиатский спрос на которые растет, но не может быть удовлетворен собственными силами по причине недостаточности ресурсов.
- Максимальное привлечение для развития Сибири и Дальнего Востока иностранных инвестиций не только из Китая, но и из США, Японии, Южной Кореи, стран АСЕАН и ЕС под специальной защитой и патронажем российского государства.
- Создание преференциальных условий для талантливых и энергичных людей, особенно молодежи, как из самого Зауралья, так и со всей страны; трансформация региона в зону развития и творчества для всей России.

1.2. Поворот на Восток два года спустя: что изменилось с момента выхода доклада?

С момента публикации Валдайского доклада «К Великому океану, или новая глобализация России», обосновавшего необходимость «поворота на Восток» в российской внешней и экономической политике и ука-

завшего на особую роль в этом процессе Сибири и Дальнего Востока, прошло почти два года. Этот период доказал правильность большинства положений доклада. Россия постепенно перестраивается на азиатский вектор развития, по крайней мере, на уровне принимаемых стратегических документов и выступлений руководителей страны. В июне 2013 г. на Петербургском международном экономическом форуме В.В. Путин подчеркнул, что форсировать экономический рост Россия сможет, лишь ориентируя свой экспорт на расширяющиеся азиатские рынки, а в декабре в ежегодном послании Федеральному собранию Президент вообще назвал подъем Сибири и Дальнего Востока «национальным приоритетом

начало меняться. Если ранее возможный поворот на Восток зачастую воспринимался как противоестественный для российской политической и культурной традиции, как результат авторитарного инстинкта российской власти, то в настоящее время в целом общепринятым становится осознание объективной необходимости использования возможностей азиатского роста в интересах восточных регионов и России в целом.

«Поворот в головах», начавшийся среди элит, – это огромный шаг вперед. Но он сделан не полностью, и лишь одного его мало. Необходимо реальное наполнение российской политики на азиатском направлении, в основе которого – прагматичное использование собственных конкурентных преимуществ. Такое наполнение пока почти отсутствует.

Важность ведения активной внешней политики в Азии определяется не культурно-цивилизационными нормами, а экономико-политической целесообразностью

на весь XXI в.». Этим Путин еще раз зафиксировал и даже усилил содержащийся в своих предвыборных статьях призыв «поймать китайский ветер в российские паруса»².

Можно с удовлетворением утверждать, что отношение к азиатскому вектору российской внешней политики и к развитию Сибири и Дальнего Востока среди российской политической и интеллектуальной элиты

важным символическим шагом в переориентации российской внешней политики в Азию стал Саммит АТЭС 2012 г., прошедший во Владивостоке. Его подготовка стала на какой-то период главным российским мегапроектом, а к проблемам Дальнего Востока было приковано пристальное внимание всей страны. На самом саммите российской стороной была предложена достаточно амбициозная повестка, предполагающая ускоренную интеграцию России во многие экономико-политические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На Саммите был взят курс на либерализацию торговли в регионе. В частности, разработан список

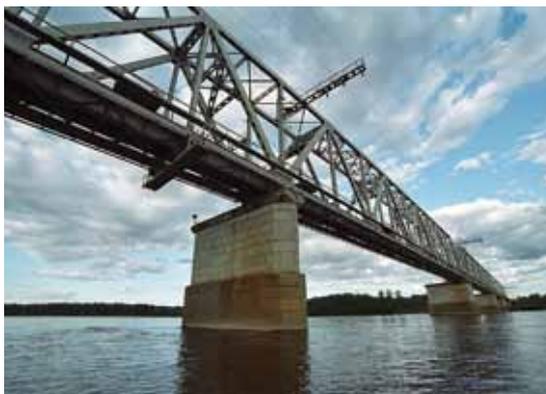
из 54 наименований экологических товаров, которые будут продаваться в регионе практически беспошлинно. Россия выступила с готовностью принять на себя функции одного из ключевых игроков в обеспечении продовольственной безопасности АТР. Достигнуты общие договоренности в сфере развития транспорта и инвестиционного сотрудничества, построения единого образовательного и научного пространства.

Саммит во Владивостоке запустил последовательную работу по продвижению и защите российских интересов в Азии. Ряд представленных на встрече инициатив получили свое развитие в 2013 г. Так, на Саммите АТЭС-2013, прошедшем на Бали, сторонами принято обязательство воздержаться от внедрения каких-либо протекционистских мер в отношении торговли и инвестиционного сотрудничества друг с другом до 2016 г. Выработан механизм торговли экологическими товарами (тарифы по ним к концу 2015 г. должны быть снижены до 5% или более низкого уровня). На Восточноазиатском саммите в 2013 г. продолжилось обсуждение поднятой во Владивостоке тематики, связанной с продовольственной безопасностью. Такой компонент повестки Саммита АТЭС-2013, как «наращивание взаимосвязей» (connectivity), перекликается с предложением, выдвинутым российскими экспертами, о Евразийско-тихоокеанской инициативе по наращиванию взаимосвязей.³ В целом, несмотря на то, что далеко не все предложения России оказались интересны партнерам и лишь немногие переросли в принятие конкретных мер, председательство России в АТЭС можно признать достаточно успешным.

С завершением Саммита АТЭС в политике России на восточном направлении возник риск отката назад. С одной стороны, внимание переключилось на иные мегапроекты: Олимпиаду, председательство в «Большой двадцатке», а потом «Большой восьмерке», чемпионат мира по футболу и т.д. С другой стороны, полным ходом запущен евразийский интеграционный проект. Теоретически интеграция на постсоветском пространстве и интеграция в АТР не являются конкурирующими, тем более что долгосрочные выгоды от участия в экономических процессах АТР несопоставимо выше. Однако с учетом ограниченности финансовых и кадровых ресурсов (на два направления их может не хватить), а также особенностей текущей политической конъюнктуры существует риск того, что приоритет будет отдан евразийской интеграции. Для России это будет означать не только огромные неиспользованные возможности, но и угрозу оказаться на периферии глобальных экономико-политических процессов, центр которых перемещается в АТР.

Увеличивает вероятность такого сценария фактор неоправданных (возможно, априори завышенных) ожиданий. На фоне ажиотажа вокруг саммита АТЭС многие предвкушали прорыв России в Азию, как политический, так и экономический. И если политические позиции России в АТР действительно несколько усилились, то про экономические такого сказать нельзя. Доля стран АТЭС в товарообороте России достигла в 2013 г. рекордных 24,8%⁴. С одной стороны, она непрерывно растет, причем в 2013 г. – за счет российского экспорта. С другой –

этот рост во многом компенсационный, обусловлен снижением доли ЕС, болезненно проходящего период восстановления после кризиса и снижающего спрос на импортные товары, в том числе и на российское сырье. Годовой прирост торгового оборота со странами АТЭС составил лишь 2,4% в 2012 г. и 3,5% в 2013 г.⁵ – слишком мало для того, чтобы можно было говорить о прорыве.

инвестиции в Россию из крупнейших азиатских стран даже сократились. Так, Китай направил в российскую экономику лишь 0,74 млрд. долл., Япония – 1,14 млрд. долл. (в 2011 г. эти показатели составляли 1,89 и 1,24 млрд. долл. соответственно). Лишь Республика Корея нарастила в 2012 г. объем инвестиций в российское машиностроение с 0,78 до 0,95 млрд. долл.⁷.

Саммит АТЭС во Владивостоке запустил последовательную работу по продвижению и защите российских интересов в Азии

На Китай, Японию, Корею, Индию и страны АСЕАН в сумме приходится около 20% торгового оборота России – неоправданно мало с учетом быстро возрастающей роли этих стран в мировой экономике.⁶ Соотношение экспорта и импорта в 2013 г. почти выровнялось, однако структура экспорта по-прежнему остается неблагоприятной. Его основу составляет сырье, в значительной степени – переработанное, а российские производители высокотехнологической продукции (за исключением ВПК) на азиатские рынки так и не вышли. Заключенные в 2013 г. новые соглашения о поставке энергетических ресурсов в Японию и Китай лишь усилят сырьевую ориентацию российского участия в экономических процессах АТР.

Инвестиционное сотрудничество остается на низком уровне. За 2012 г. иностранные

Саммит АТЭС во Владивостоке, вопреки надеждам и несмотря на рекордные траты (на подготовку к нему затрачено в десятки раз больше средств, чем на подготовку всех аналогичных форумов вместе взятых за 24 года существования АТЭС), так и не стал настоящим драйвером развития российского Дальнего Востока. В 2012 г., после завершения основных строительных работ, инвестиции в Приморский край упали на 44% по сравнению с 2011 г., а за первое полугодие 2013 г. в годовом выражении снизились еще примерно вдвое. Саммит прошел, оставив за собой инфраструктуру, но мало оживив частный бизнес и экономическую активность в целом.

Обязанность выработать новые «пост-АТЭСовские» ориентиры развития Дальнего Востока была возложена на созданное еще в мае 2012 г. Министерство по развитию Дальнего Востока. К настоящему моменту главным результатом его деятельности стала утвержденная в марте 2013 г. государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». Однако даже

Удар по планам Программы развития Дальнего Востока и Байкальского региона нанесло наводнение 2013 года

несмотря на то, что этот документ готовился в течение беспрецедентно долгого срока, уже спустя полугодие после принятия его фактически списали со счетов.

В определенной степени удар по планам, изложенным в Программе, нанесло наводнение, случившееся в регионе в июле-сентябре 2013 г. От этого стихийного бедствия, ставшего крупнейшим за 115 лет наблюдений, пострадали 100 тыс. человек, а ущерб превысил 30 млрд. рублей. Наводнение разрушило транспортную и социальную инфраструктуру южных районов Дальнего Востока. Как следствие, потребовалась коррекция планов их развития с учетом возникшего эффекта нулевой базы. Возникли возможности проведения модернизационных работ в более короткие сроки. Программа, естественно, таких возможностей предусмотреть не могла.

Но главный недостаток Программы состоит в том, что документ изначально морально устарел. Лежащий в его основе подход, основанный на ключевой роли мегапроектов (расширение БАМ, строительство моста на Сахалин и т.д.) – это подход вчерашнего дня. Эпоха мегапроектов – символически и политически значимых, но крайне затратных мероприятий – закончилась. Предполагаемый объем государственно-

го финансирования Программы – 3,8 трлн. рублей из федерального бюджета – многократно превышает его возможности. Замедление экономического роста и, как следствие, необходимость сокращения

госрасходов диктуют отказ от мегапроектов в пользу менее громких и более прагматичных шагов.

Предлагаемая Программой модель развития Дальнего Востока копирует уже испытанные образцы политики федерального центра в отношении республик Северного Кавказа: для оставления региона под контролем Москвы в него вкладываются огромные средства, которые не могут окупиться даже в среднесрочной перспективе. Такое копирование ошибочно. У российского Дальнего Востока есть множество возможностей для развития. Задача федеральных властей – помочь региону их использовать за счет ликвидации «узких мест» и снятия барьеров, а не пытаться осуществлять развитие самостоятельно за счет денег федерального бюджета.

Патерналистский подход к региону обусловил сжатие объекта управления. Программа относится лишь к Дальнему Востоку и Байкальскому региону, а Министерство – и вовсе к одному Дальнему Востоку. Произведено дробление исторически цельного региона «Сибирь и Дальний Восток». За рамками оставлены территории Западной и Восточной Сибири, без учета возможностей которых говорить о стратегии интеграции России в АТР невозможно.

но. Почему эти территории не охвачены государственной политикой развития восточных территорий, понятно: при действующем подходе к ее осуществлению средств еще и на Сибирь не хватит ни при каком сценарии роста российской экономики.

Открыто провал государственной политики восточных территорий был признан в октябре 2013 г. На заседании Правительственной комиссии по развитию Дальнего Востока в Комсомольске-на-Амуре Д.А. Медведев заявил, что дальневосточная

Новая модель государственной политики основана на развитии производств, ориентированных на экспорт продукции в АТР посредством улучшения инвестиционного климата и создания особых экономических зон

политика России не приносит ожидаемого эффекта, и ее следует менять. Еще раньше, в сентябре 2013 г., азиатский вектор российской политики решено было оживить кадровыми перестановками. Уволен с постов министра по развитию Дальнего Востока и полномочного представителя Президента в Дальневосточном федеральном округе В.И. Ишаев. Министром вместо него стал А.С. Галушка, а на пост Заместителя Председателя Правительства и полномочного представителя Президента в Дальневосточном федеральном округе назначен Ю.П. Трутнев. Почти одновременно подал в отставку генеральный директор Фонда Дальнего Востока и Байкальского региона Внешэкономбанка П.С. Грачев. Замены ему до сих пор не найдено, хотя Фонд уже несколько лет фигурировал в числе ключевых инструментов политики государства по развитию региона.

Кадровое обновление может пойти на пользу развитию азиатской части России. Однако принципиально важно не повторять ошибок прошлого: первым шагом, без которого реализация конкретных механизмов

инвестирования средств не может достичь успеха, является определение философии развития региона. Эффективная стратегия развития Дальнего Востока должна не просто предлагать комплекс конкретных мер, но и содержать картину того желаемого состояния региона и его позиций в мире и в России, ради достижения которых эти конкретные меры должны приниматься.

Попытка выработки если не философии, то хотя бы новой модели государственной политики в отношении Дальнего Востока была предпринята на совещании в Комсомольске-на-Амуре. Эта модель основана на развитии производств, ориентированных на экспорт продукции в АТР посредством улучшения инвестиционного климата и создания особых экономических зон. На уровне формулировки такую цель можно поприветствовать, но теперь успех ее реализации зависит от правильности выбора и эффективности создания новых институтов и инструментов развития. Пока высоким остается риск бюрократизации управленческой системы, в результате которой принятие различных инициатив и построение новых учреждений подмнит в качестве самоцели реальные процессы институционального и экономического развития региона. Увеличивает опасность такого сценария тот факт, что, хотя законодательное утверждение конкретных механизмов начнется уже в ближайшее время, ясная картина комплексного развития региона, отражающая форму управления, формат взаимодействия с инвесторами, степень вовлечения иностранных партнеров и т.д., до сих пор не представлена ни в одном документе. Не видно пока и анализа потребностей внутреннего и внешнего рынков, а также российских конкурентных преимуществ и слабостей.

Получение целостной картины невозможно без понимания процессов, происходящих в АТР (иными словами, внешней среды для развития Сибири и Дальнего Востока), а также определения целей и механизмов российской интеграции в них.

2. Экономико-политические процессы в АТР и место в них России

2.1. Азиатский рост перед новыми вызовами

На протяжении последнего десятилетия страны АТР – Китай, Индия, Южная Корея, государства АСЕАН – были настоящими локомотивами мировой экономики. Во многом именно благодаря им в период кризиса удалось избежать катастрофического поворота событий – повторения сценария Великой депрессии. В 2009 г. США испытали падение ВВП на 3,1%, ЕС – на 4,3%, Япония – на 5,5%, а Россия – на 7,8%. В то же время в Китае наблюдался рост ВВП на 9,1%, в Индии – на 8,5%. Высокие темпы роста продемонстрировали также Вьетнам, Лаос и Индонезия.⁸ На этом фоне общим местом стали идеи о том, что центр экономической мощи уверенно перемещается в Восточную Азию.

Тем не менее, глобальный финансово-экономический кризис не прошел для стран АТР бесследно. Начиная с 2011 г. почти

во всех экономиках региона проявилась тенденция замедления экономического роста. Одной из основных причин стал спад спроса на азиатские товары в результате тяжелого восстановления в Европейском союзе. В 2012 г. прирост ВВП в Китае снизился до 7,8% (самое низкое значение с 1998 г.), в Индии – до 3,2% (самое низкое значение с 1991 г.). Замедлился экономический рост и в других странах региона – Республике Корея, Индонезии, Вьетнаме, Сингапуре.⁹

В 2013 г. экономики ведущих азиатских стран столкнулись с рядом серьезных вызовов. Ситуация на экспортных рынках практически не улучшилась, что усугубило состояние торговых балансов в странах АТР, традиционно ориентированных на экспорт. Вместе с тем, с весны 2013 г. начали распространяться слухи о сворачивании политики количественного смягчения в США. Несмотря на то, что до конца года его так и не произошло, возникшая неопределен-

ность привела к панике на рынке капитала и его оттоку из стран, в наибольшей степени зависящих от дешевых долларовых кредитов, в том числе из Индии и Индонезии. Панику еще более усугубила возросшая нестабильность на Большом Ближнем Востоке, подтолкнувшая вверх цены на энергоносители и угрожающая стабильности азиатских экспортных и импортных сырьевых и товарных поставок.

На фоне нарастающих проблем все громче стали раздаваться голоса скептиков о том,

Экономические проблемы, возникшие у азиатских стран в 2013 г., следует учитывать при выстраивании российской политики в азиатском направлении, но ответом на них должен быть не отказ от «поворота на Восток», а более четкий выбор приоритетов в рамках данного поворота

что перспективы азиатских экономик переоценены. В России в связи с этим высказывались опасения, что поворот на Восток оказался несвоевременным – азиатский рост, к которому Россия, наконец, собралась пристегнуться, закончился.

На наш взгляд, такая точка зрения поспешна – она не учитывает особенностей экономического развития региона. Экономические проблемы, возникшие у азиатских стран в 2013 г., безусловно, следует учитывать при выстраивании российской политики в азиатском направлении, но ответом на них должен быть не отказ от «поворота на Восток», а более четкий выбор приоритетов в рамках данного поворота.

Растущая неопределенность протекания экономических процессов в мировой экономике и в АТР в частности стала лакмусовой бумажкой, проявившей устойчивость экономического роста стран региона. В результате азиатские страны по характеру их экономической динамики четко разделились на две группы.

В экономиках со слабыми институтами давно существовавшие структурные диспропорции привели летом 2013 г. к кризисным явлениям: резкому падению курсов национальных валют, росту дефицитов государственного бюджета и торгового баланса, снижению золотовалютных резервов.

В Индонезии появились все предпосылки для разворачивания полномасштабного экономического кризиса. Индонезийская рупия стала летом самой слабой валютой в Азии – ее курс снизился на 14%. Дефициты торгового баланса и государственного бюджета достигли рекордных для последних лет значений, инфляция возросла, а отток капитала за рубеж исчислялся миллиардами долларов. По итогам 2013 г. темп прироста ВВП впервые с финансово-экономического кризиса не превысил 6%, что для Индонезии означает шаг назад. Страна остро нуждается в институциональных реформах, но они едва ли могут быть проведены до президентских выборов, которые состоятся в июле 2014 г.

В Таиланде падение внешнего и внутреннего спроса на отечественные товары в первом полугодии привело к технической рецессии – падению ВВП в течение двух кварталов подряд. В третьем квартале из нее удалось выйти, но рост ВВП по итогам года все равно оказался ниже 4%. С учетом значительных золотовалютных резервов едва ли в стране возможен полномасштабный экономический кризис, однако экономические сложности могут стать дополнительным фактором в обострении кризиса политического. В стране продолжаются массовые акции протеста. Формально они вызваны попыткой властей через принятие закона об амнистии вернуть в страну обвиненного в государственном перевороте 2006 г. бывшего премьер-министра Т. Чиннавата, а по совместительству – брата нынешней главы правительства Й. Чиннават и, как считают многие, теневого руководителя страны. Реально же протесты имеют, в том числе, и экономическую природу: предпосылки для них

сформированы популистской политикой правительства в первые годы правления Й. Чиннават и, как следствие, кризисом неоправданных ожиданий в наши дни.

На пороге экономического кризиса стоит Индия. Курс рупии за лето упал на 10%. Правительство вынуждено одновременно бороться с высокой инфляцией, дефицитами бюджета и торгового баланса и оттоком капитала в условиях значительных обязательств по внешним долгам (172 млрд. долл. до конца 2013–2014 финансового года). Нужны серьезные институциональные реформы, но перед парламентскими выборами 2014 г. правительство не может на них решиться, особенно на фоне резкого падения популярности правящей партии «Индийский национальный конгресс». Полномасштабный экономический кризис, подобный азиатскому финансовому кризису 1997–1998 гг., едва ли возможен (несмотря на многочисленные параллели) из-за больших золотовалютных резервов, однако очевидно, что для того, чтобы Индия продолжала свое экономическое восхождение, одних лишь объективных конкурентных преимуществ в виде дешевой рабочей силы или относительно емкого внутреннего рынка уже недостаточно.

В то же время государства с сильными экономическими институтами и устойчивыми политическими системами (Япония, Китай, Республика Корея, Сингапур) демонстрируют достаточную гибкость в столкновении с экономическими трудностями.

Но и в Китае происходит замедление экономического роста. Вплоть до третьего квартала 2013 г. китайская экономика замедлялась тринадцать кварталов подряд – столь длительное ухудшение экономической динамики является рекордом с 1979 г., то есть фактически с начала рыночных реформ. По предварительным данным, по итогам 2013 г. зафиксирован рост ВВП на уровне около 7,8%, что является повторением рекордно низкого показателя 2012 г. Однако важны не столько итоговые цифры, сколько четко продемонстрированный в 2013 г. курс китайского руководства на отказ от поддержки высоких темпов экономического роста любой ценой. С помощью государственных интервенций правительство могло бы поддерживать рост китайской экономики на уровне более 8%, однако делать этого не стало.

По мнению нового китайского руководства во главе с Си Цзиньпином, в настоящее время структурная перестройка (в первую очередь переход на внутреннее потребление как важнейший драйвер роста в будущем) важнее краткосрочного спокойствия инвесторов, привыкших к высоким темпам роста. На Пленуме ЦК КПК в ноябре 2013 г. представлен план структурных преобразований, предполагающий существенное усиление рыночного регулирования и сокращение государственного сектора в экономике. Если структурные преобразования удастся запустить, преодолев сопротивление консерваторов, традиционно болезненно воспринимающих расширение конкуренции в ключевых отраслях, то определенное замедление китайской экономики

можно будет рассматривать скорее как признак ее зрелости и переход к новому этапу развития, чем проявление слабости.

Для России же важно, что при условии продолжения структурных реформ, несмотря на замедление экономического роста, китайский спрос на потребительские товары и энергоресурсы будет возрастать в связи со стимулированием внутреннего потребления. Парадоксальным образом привлекательность китайской ниши на рынках большинства видов водоемкой продукции, продовольствия и энергоре-

Японии последних двух десятилетий значений, а безработица достигла наименьшего уровня с 2008 г. Кроме того, правительству удалось преодолеть дефляцию, которая была бичом японской экономики на протяжении 15 лет. К настоящему моменту две первых составляющих «абэномики» – государственные расходы для стимулирования экономической активности и увеличение денежной массы для разгона инфляции – успешно реализованы. Теперь время запускать третью – структурные реформы. Она и будет иметь решающее значение для возвращения Японии на траекторию устойчивого роста.

Китай, Япония, Корея, Сингапур и Вьетнам представляются главными потенциальными партнерами России в АТР

сурсов по мере замедления китайской экономики лишь растет.

В 2013 г. в число растущих экономических игроков региона возвращается Япония. Экономическая политика премьер-министра С. Абэ («абэномика»), нацеленная на борьбу с дефляцией и стимулирование экономического роста, стала одним из самых успешных в мире примеров действий властей на этапе послекризисного восстановления. О ее окончательных результатах говорить пока рано, однако уже понятно, что темпы экономического роста по итогам 2013 г. в любом случае будут выше средних для

В Корею на экономические проблемы на основных экспортных рынках отреагировали увеличением государственного инвестирования. При этом удалось нарастить и внутреннее потребление, что позволило обеспечить ускорение экономического роста – до 2,8% в 2013 г. Перспективы корейской экономики выглядят вполне стабильными. Как и перспективы сингапурской.

В этой стране, как и в Корею, пока удастся достичь увеличения внутреннего спроса и за счет этого – ускорения экономического роста, двигателями которого выступили отрасли, поддерживающие потребление, – финансовый сектор, торговля и строительство.

Промежуточное положение между экономиками, которым грозит кризис, и остро-

вами стабильности занимает Вьетнам. С одной стороны, по итогам 2013 г. прирост ВВП, как и годом ранее, не превысил 6%. Страна, как и другие развивающиеся экономики региона, пострадала от неопределенности, связанной с судьбой политики количественного смягчения в США. Объем плохих долгов достиг столь высокого уровня, что правительство вынуждено было создать специальное агентство, направленное на очистку от них экономики страны. В то же время, возникшие проблемы нельзя назвать критическими. Они не мешают Вьетнаму не только привлекать иностранные инвестиции, но и стабильно увеличивать экспорт, одновременно снижая инфляцию. Похоже, с точки зрения соотношения потенциала догоняющего развития (за счет относительно невысокого базового уровня и низких трудовых затрат) и уровня странового риска Вьетнам превращается в самую конкурентоспособную экономику Юго-Восточной Азии.

Экономические трудности 2013 г. увеличили поляризацию региона (что будет способствовать наращиванию нестабильности), привели к уменьшению иллюзий в отношении ряда быстро развивавшихся прежде государств, но при этом упрочили позиции лидеров. Китай, Япония, Корея, Сингапур, в определенной степени Вьетнам доказали, что их экономики являются устойчивыми к кризисным явлениям. Они продемонстрировали хороший пример адаптивности и использования здравого смысла как альтернативы догматическим схемам, приведшим к кризисным явлениям на Западе. Ведущие государства Азии прошли еще

один тест на зрелость. Именно они и представляются нам главными потенциальными партнерами России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

2.2. Рост конфликтного потенциала в АТР

Характерной чертой последнего времени во взаимодействии между странами АТР стало усиление элементов соперничества. В то же время, ощущается «исчерпанность исходных ожиданий» в отношении механизмов купирования накопившихся противоречий. А сами противоречия продолжают нарастать. Сначала Китай объявил зону ПВО в Восточно-Китайском море, охватывающую спорные территории, что было расценено Кореей и Японией как попытка нарушить статус-кво в регионе. Затем японский премьер-министр Японии С. Абэ посетил храм Ясукуни, где захоронены, в том числе, японские военные преступники, что Китай и Корея посчитали провокацией. Новые конфликты наложились на обострившиеся в последние годы территориальные споры, внутренние переломные процессы во многих странах региона, а также на общую тенденцию военного усиления Китая. В результате градус напряженности в АТР поднялся до рекордных значений.

Вызовы региональной безопасности эволюционируют быстрее, чем институциональные механизмы удержания противоречий в контролируемых рамках. Наиболее характерный пример – проблемы

в Южно-Китайском море. После провозглашения администрацией Обамы «возвращения США в Азию» центр противоречий сместился с китайско-асеановской на китайско-американскую ось. Соответственно, суть проблемы состоит не в том, кому из участников спора принадлежат отдельные острова и рифы Южно-Китайского моря. Главное – будет ли готов Китай и впредь мириться с деятельностью военного характера США и их союзников в акватории, подпадающей под определение «внутренних вод» Китая в соответствии с Законом КНР о территориальном море и прилегающей зоне 1992 г.

В отношениях между Китаем и США, которые несколько лет назад многие воспринимали как эпицентр главного глобального конфликта XXI века, наблюдается определенная разрядка

Вместе с тем, в настоящий момент в отношениях между Китаем и США, которые несколько лет назад многие воспринимали как эпицентр главного глобального конфликта XXI в., наблюдается определенная разрядка. США заняты внутренними экономическими проблемами, а в Китае новое руководство провозгласило курс на сближение с американским партнером. По итогам состоявшейся в июне 2013 г. первой встречи Б. Обамы и Си Цзиньпина последний заявил о приближении «беспрецедентного события» – «создания между США и Китаем отношений нового типа». Тем не менее, эта разрядка не должна вводить в заблуждение. Тёплые рукопожатия первых лиц имели бы значение, если бы отношения США и Китая следовали логике холодной войны, во многом определяемой главами государств. Это сравнение лежит на поверхности, а потому используется значительной частью экспертов. Однако оно значительно упрощает ситуацию. В политических процессах в АТР царит скорее не XX в., а XIX в. – регион представляет собой ярчайший пример возвращения в международные отношения геополитики.

В геополитических маневрах – квинтэссенция китайско-американских противоречий. С одной стороны, китайская доктрина «активной оффшорной обороны» (иначе называемая «ограничение доступа/сковывание сил противника на территории» – Anti-Access/Area Denial). Суть ее первой части – не дать противнику зайти на определенную территорию, а второй – если он все же туда зашел, не дать ему там развернуться. Этой территорией можно считать район «первой цепи островов», охватывающий воды Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. С другой стороны, американская концепция «войны на море и в воздухе» (Air-Sea Battle). Ее ключевой компонент – интеграция возможностей США на море, в воздухе, в космосе и в киберпространстве для ведения деятельности военного характера в любом районе мира.

На фоне такой трансформации проблемы Южно-Китайского моря дискуссии о путях ее решения ведутся все же между Китаем и странами АСЕАН, перспективы подключения к этим переговорам США или иных игроков, других международных организаций не просматривается. В таких условиях выработка Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море становится фактором, способствующим не столько разрешению накопившихся противоречий, сколько их консервации.

Аналогичным образом не работают действующие механизмы решения ракетно-ядерной проблемы КНДР. Являясь де-факто ядерной державой и расширяя возможности доставки боезарядов, Северная Корея уже не только не откажется от таких программ, но и планирует в перспективе вывести их развитие на качественно новый уровень. Между тем, реакция мирового сообщества на северокорейские ракетные и ядерные испытания в 2012 и 2013 гг. не пошла дальше того, что уже предлагалось ранее. Были озвучены призывы к возобновлению шестисторонних переговоров, участие в которых не остановило Пхеньян от развития своего ракетно-ядер-

ного потенциала. ООН наложила на Северную Корею новые санкции, эффективность которых сомнительна ввиду неразвитости ее внешнеэкономических связей. Наконец, США и их союзники в Северо-Восточной Азии активизировали взаимное сотрудничество, что подтолкнуло Пхеньян не к сдержанности, а к ответным действиям.

Налицо неготовность США и Китая выработать общее видение факторов, подрыва-

Рассмотренные выше тенденции снижают уровень управляемости региональной среды усилиями ее основных игроков. Запущен новый виток гонки вооружений, в первую очередь – военно-морских, началось укрепление военных связей между многими странами региона. Другая заметная черта – активное заключение ими соглашений о стратегических партнерствах, в ряде случаев без отчетливого понимания, что стоит за этим термином.

Экономическая интеграция внутри АТР развивается в духе «нового регионализма»: с сетевым характером взаимодействия и отсутствием иерархических институциональных структур, характерных для европейского и евразийского интеграционных процессов

ющих устойчивое развитие региона. Обе страны заинтересованы в сохранении региональной стабильности, однако по-разному видят ключевые конструкции ее обеспечения. Для Вашингтона залог этой стабильности – укрепление собственных военно-политических позиций и наращивание сотрудничества с традиционными и новыми партнерами. Для Пекина основным условием стабильности в последние годы служило создание пояса добрососедства вдоль своих границ, чему, с точки зрения руководителей Китая, действия США противоречили.

Попытки купировать остроту проблем Южно-Китайского моря или Корейского полуострова сталкиваются с ограниченной эффективностью тех механизмов, которые еще недавно рассматривались в качестве ключевых факторов поддержания региональной стабильности. Так, формируя все новые асеаноцентричные площадки многосторонней дипломатии их участники не находят компромиссных взаимоприемлемых развязок накопившихся противоречий. На фоне усложнения содержания проблем Ассоциация повторяет тезисы о необходимости противодействия им при помощи превентивной дипломатии, но не может убедительно объяснить, чем она отличается от мер по укреплению доверия. Наконец, последние инициативы экономического регионализма – Транстихоокеанское партнерство и Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство – могут не столько содействовать снижению противоречий между странами

На фоне роста конфликтного потенциала в АТР объективно усиливается запрос на присутствие в регионе России, которая уже является участником практически всех многосторонних форматов региона

и территориями АТР посредством наращивания взаимных торговых, инвестиционных, технологических и иных обменов, сколько проложить в регионе новые разделительные линии.

Нельзя сказать, что обостряющиеся военно-политические противоречия напрямую негативно влияют на экономическую интеграцию. Однако в условиях крайне высокого уровня взаимного недоверия запрос на нее удовлетворяется не за счет крупных региональных группировок зонтичного типа, а за счет двусторонних договоров о свободной торговле, сеть которых в настоящее время охватила практически весь регион. (Ключевым препятствием для того, чтобы эта сеть образовала полноценную региональную зону свободной торговли, выступает отсутствие соответствующих соглашений между ключевыми странами: Китаем, Кореей и Японией). Экономическая интеграция внутри АТР развивается и, видимо, продолжит развиваться в духе «нового регионализма»: с сетевым характером взаимодействия и отсутствием иерархических институциональных структур, характерных для европейского и евразийского интеграционных процессов.¹⁰

2.3. «Запрос на Россию» в странах АТР

На фоне роста конфликтного потенциала в АТР объективно усиливается запрос на присутствие в регионе России. Возросшие ожидания наших партнеров небезосновательны и базируются на заметной активизации российской политики в АТР. Наша страна ныне уже является участником практически всех многосторонних форматов, где ключевые субъекты азиатско-тихоокеанской экономики, политики и безопасности обсуждают возможности поддержания устойчивого и бесконфликтного развития региона. Россия вносит заметный вклад в дискуссии о формировании регионального мироустройства на заседаниях Восточноазиатского саммита (ВАС), Регионального форума АСЕАН (АРФ) и Совещания министров обороны (СМО) АСЕАН+8, которые Ассоциация рассматривает в качестве каркаса азиатско-тихоокеанской системы мониторинга стратегической среды, нацеленного на предотвращение эскалации региональных проблем до крупных кризисов.

Наконец, в перспективе вполне возможно присоединение России к таким многосторонним инициативам, как Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство и Соглашение о региональном сотрудничестве в борьбе с пиратством и нападениями на суда в Азии.

Россия важна для стран АТР в связи с тем, что она обладает потенциальными возмож-

ностями и необходимой институциональной базой для того, чтобы содействовать снижению остроты проблем региональной безопасности, формируя условия для их эволюции в мирном, неконфронтационном русле. В частности, противоречия из-за Южно-Китайского моря – а они в значительной степени концентрируются вокруг энергоресурсов и морских коммуникаций – можно частично «гасить» за счет наращивания российских поставок нефти и газа в АТР. Увеличение экспорта продовольствия из России в страны Азии позволит смягчить проблему продовольственной безопасности.

После заметного потепления отношений с Японией в АТР не осталось стран, с которыми Россия находилась бы в состоянии конфронтации. Общий позитивный фон свойственен отношениям России со всеми странами региона

Более активное развитие Россией потенциала Северного морского пути и Транссибирской магистрали позволило бы «разгрузить» Малаккский пролив, напряженность вокруг которого в связи с перегруженностью и безальтернативностью растет. Наконец, Россия является председателем Механизма по обеспечению мира и безопасности в Северо-Восточной Азии – рабочей группы, созданной в формате шестисторонних переговоров. Заседания в рамках этой диалоговой площадки можно проводить без участия КНДР. А это – реальная возможность согласовать позиции пяти ключевых субъектов политики, экономики и безопасности Северо-Восточной Азии по проблемам безопасности, относящимся не только к северо-корейской политике, но, например, и к такому актуальному для «пятерки» вопросу, как ПРО США и потенциально других стран в АТР.

После заметного потепления отношений с Японией в АТР не осталось стран, с кото-

рыми Россия находилась бы в состоянии конфронтации. Общий позитивный (в худшем случае нейтральный) фон свойственен отношениям России со всеми странами региона. На усиление Китая Россия отреагировала, формируя вокруг него кольцо дружественных государств от Японии до Индии. Но и с Китаем Россия поддерживает близкие и дружеские отношения, хотя они и осложняются устойчивыми (и часто искусственно подстегиваемыми) фобиями перед китайской угрозой. Но при этом в российской политике (в отличие от американской) не делается очевидного акцента на военно-политическое сдерживание КНР.

На фоне усиления напряженности в отношениях между ключевыми игроками АТР, Россия подчеркивает свою заинтересованность в обратном – укреплении регионального мира как важнейшего условия интеграции страны в регион. Именно этот фактор стал решающим в решении АСЕАН пригласить Россию к участию в заседаниях

Восточноазиатского саммита. И именно на укрепление региональной стабильности нацелены инициативы, озвучиваемые российскими представителями на заседаниях площадок многосторонней дипломатии.

Запрос на присутствие России в АТР растет. Превращение России в одного из гарантов безопасности в регионе потенциально выгодно всем сторонам. В то же время, этот запрос не стоит переоценивать. Он пока лишь появляется, укрепить и использовать его еще предстоит. В рамках взаимодействия России с каждой из стран региона по отдельности рост запроса существенно запаздывает от общерегионального. Россия все еще достаточно слабо представлена в стратегиях государств АТР. Большинство из них по-прежнему рассматривают ее как восточноевропейское, а не тихоокеанское государство. Впрочем, развитие двусторонних отношений со странами региона демонстрирует постепенный перелом этой тенденции.

На фоне усиления напряженности в отношениях между ключевыми игроками АТР Россия подчеркивает свою заинтересованность в обратном: укреплении регионального мира как важнейшего условия интеграции страны в регион

Китай

В китайско-российском стратегическом партнерстве главное для Китая на сегодня – это безопасная северная граница, а также сотрудничество на международной арене в формировании нового «мирового и регионального порядка». Важным экономическим партнером (вынося за скобки поставки энергоресурсов) Россия пока, по большому счету, является лишь для провинции Хэйлунцзян, имеющей тесные связи с приграничными регионами Дальнего Востока. Безусловным приоритетом для Китая в экономических отношениях с Россией выступает доступ к природным ресурсам. На настоящий момент основу экономического сотрудничества России и Китая составляют энергетические поставки, однако даже в случае значительного расширения инфраструктурных возможностей транспортировки в Китай энергетического сырья, восточные районы России останутся для него лишь одним из многих источников нефти, газа и угля. На настоящий момент импорт нефти из России составляет лишь 6%, а газа – 4% от всех поставок соот-

ветствующих видов топлива в Китай¹¹. Эти цифры можно увеличить на несколько процентных пунктов, но не более – ограничением выступают разработки Китаем собственных запасов сланцевого газа (потенциально крупнейших в мире), а главное – нежелание чрезмерно зависеть от России в энергетическом вопросе. Вероятно, в долгосрочной перспективе Китай в большей сте-

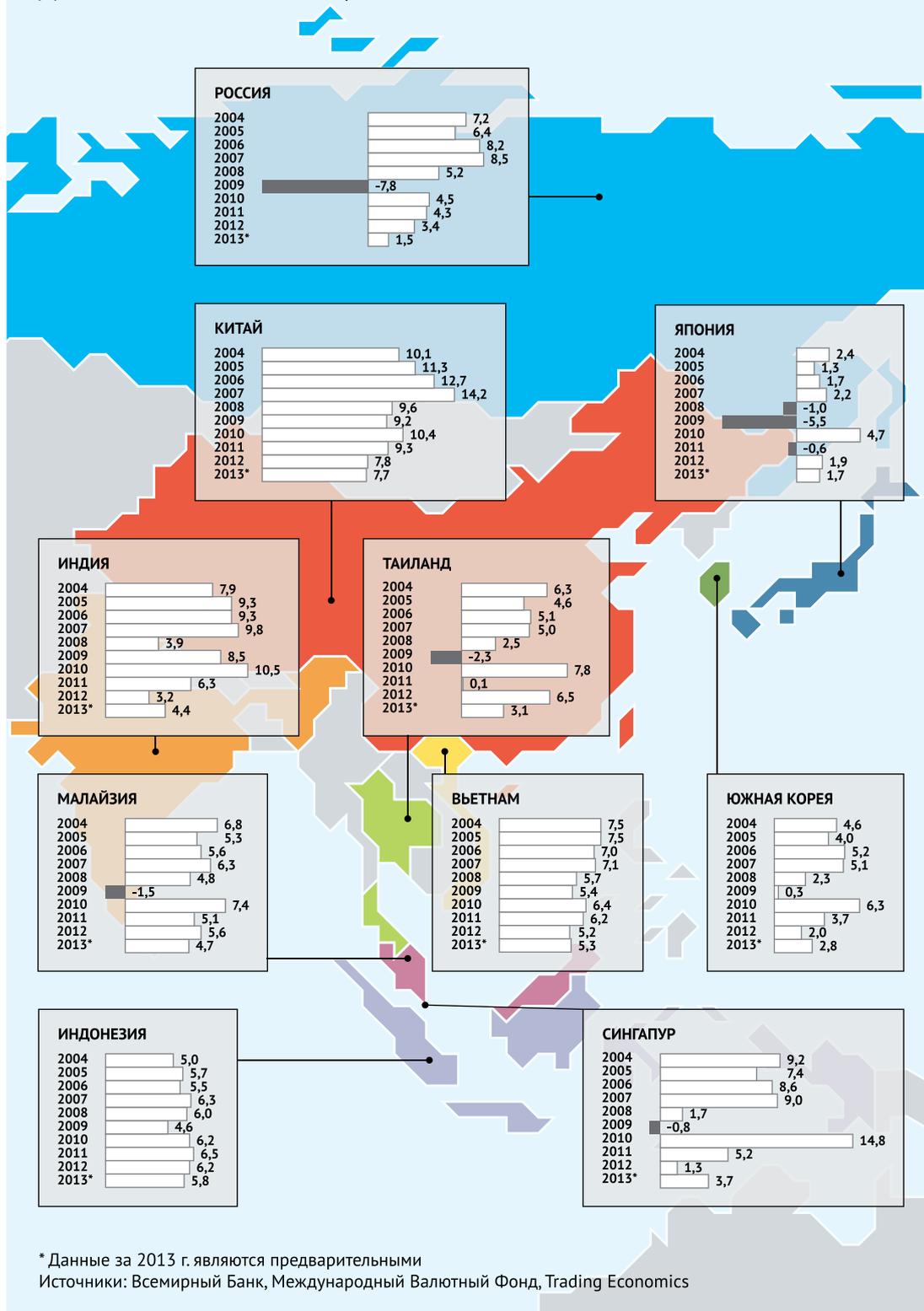
пени заинтересован в доступе не к запасам топливно-энергетического сырья на востоке России, а к другим видам природных ресурсов – минеральным полезным ископаемым, пахотной земле, пресной воде, лесу, рыбным ресурсам и т.д.

Вопреки распространенному в России мнению, угроза военно-политической или демографической китаизации в кратко- и даже среднесрочной перспективе восточным регионам России, видимо, не грозит. Для Китая земли России не имеют почти никакой идеологической значимости, а имеют лишь прагматическую, связанную с ресурсами. Наилучшим образом это может быть проиллюстрировано тем, что если на русском название Владивостока означает «влады востоком», то на китайском – «залив трепангов»¹². Да, российские ресурсы нужны Китаю, но доступ к ним можно получить и без заселения соответствующих территорий и контроля над ними.

Постоянное китайское население в приграничных районах России исчисляется

Рост экономики в странах Азиатско-Тихоокеанского региона

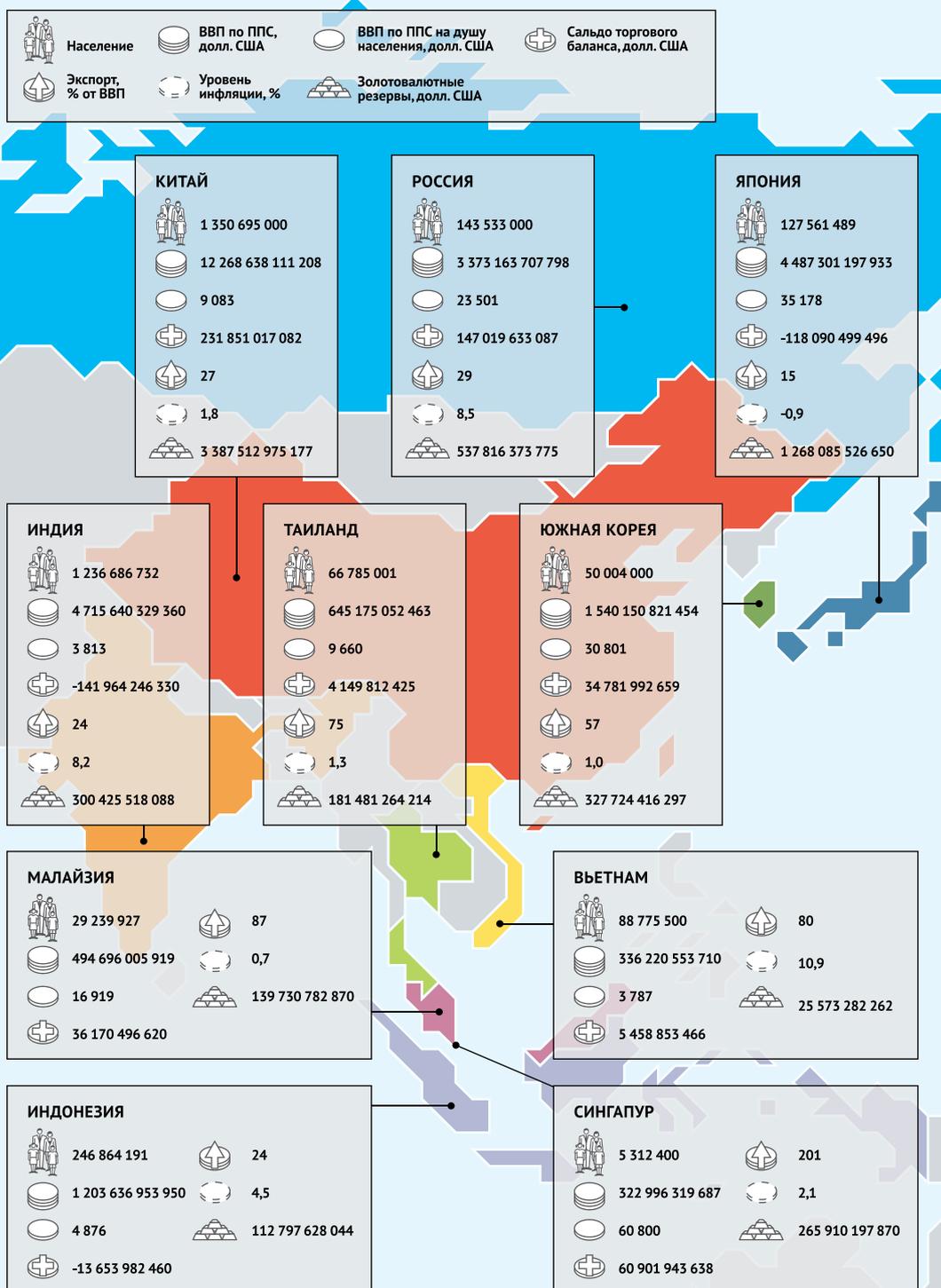
Данные за 2004–2013 гг., %

* Данные за 2013 г. являются предварительными
 Источники: Всемирный Банк, Международный Валютный Фонд, Trading Economics

Экономические показатели стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Данные за 2012 г.

Источник: Всемирный банк

сотнями человек. Случаи обучения китайских детей в российских школах или пользования услугами российского здравоохранения – единичны. Максимальная численность китайских рабочих в Дальневосточном федеральном округе наблюдалась в 2008 г. (с 2009 г. квота на привлечение иностранной рабочей силы была существенно снижена) и составляла 65 тыс. чел. – около 1% численности населения региона¹³. В настоящее время китайской рабочей силы на Дальнем Востоке России в разы меньше, чем среднеазиатской. Даже

в Китае – на уровне 2,6 млрд. долл. – крайне малы для инвестиционного сотрудничества экономик такого масштаба. По большому счету китайское присутствие в экономике страны является доминирующим лишь на Дальнем Востоке – там две трети рынка представлены китайскими товарами¹⁴.

США

Главные для США внешние вызовы XXI века сосредоточены в АТР: это подъем Китая, растущее влияние Индии, региональная нестабильность, связанная во многом с ядерной угрозой со стороны КНДР. Все это заставляет Вашингтон не только укреплять свои традиционные политические союзы, но и заниматься поиском новых партнеров в АТР. Теоретически одним из таких партнеров могла бы стать Россия. Однако на сегодняшний день, формулируя свою азиатско-тихоокеанскую политику, США практически никогда официально не упоминают Россию в азиатско-тихоокеанском контексте. Россия пока преподносится официальной Америкой скорее как восточноевропейская, нежели тихоокеанская держава. Наиболее ярким примером такого подхода стало упоминание России в программной статье Х. Клинтон, посвященной военно-политической переориентации США на АТР.¹⁵

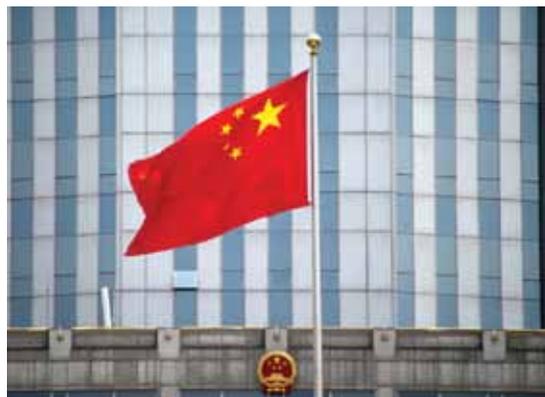
В китайско-российском стратегическом партнерстве главное для Китая на сегодня – это безопасная северная граница, а также сотрудничество на международной арене в формировании нового «мирового и регионального порядка»

работающие в России китайцы, как правило, не заинтересованы в том, чтобы жить в России. Они приезжают сюда лишь для осуществления сезонного бизнеса и потом возвращаются на родину.

Проблема с китайской миграцией на российский Дальний Восток состоит не в том, что ее много, а в том, что система привлечения иностранной силы коррумпирована, в связи с чем значительная часть китайских рабочих работает в нелегальном секторе, особенно на лесозаготовках и в строительстве.

Экономическое присутствие Китая в России гораздо сильнее. Но и оно переоценено. В частности, китайский экспорт в США превышает китайский экспорт в Россию не только в абсолютных значениях (в 9 раз), но и в относительных, с учетом разницы американского и российского ВВП. Причем китайские товары начинают вымываться с российского рынка в результате существенного подорожания юаня в последние годы. Накопленные инвестиции России

Теоретически интерес США к азиатским территориям России мог бы поддерживаться интересами обеспечения национальной безопасности (Тихоокеанский флот и ядерный потенциал России как угроза), их сырьевыми ресурсами и транзитными возможностями, что и проявлялось в первой половине 1990-х гг. Деградация первого и серьезные трудности в использовании второго и третьего привели к тому, что сегодня Сибирь и Дальний Восток не являются сколько-нибудь значимым объектом «экономического» внимания Соединенных Штатов¹⁶. Американское экономическое и гуманитарное присутствие в Тихоокеанской России – минимальное за последние два десятилетия.

Главные для США внешние вызовы XXI века сосредоточены в АТР: это подъем Китая, растущее влияние Индии и региональная нестабильность, связанная во многом с ядерной угрозой со стороны КНДР

Россия могла бы представлять стратегический интерес хотя бы для примыкающей к ней Аляски. Однако и этого не происходит – сколько-нибудь существенное сотрудничество между Россией и этим штатом отсутствует. Показательно, что в списке торговых партнеров Аляски Россия не входит даже в первую двадчатку и уступает, к примеру, Украине.

В рамках АТР серьезный интерес США к России прослеживается лишь в призме «китайского фактора». В этой связи Россия рассматривается в двух плоскостях:

- как возможный союзник и партнер США в борьбе с общей угрозой – усилением Китая;
- как фактор существенного усиления Китая. В таком контексте Россия вновь становится угрозой Соединенным Штатам. В этом ракурсе трактуется также усиление экономических позиций и влияния Китая в Тихоокеанской России.

Япония

В списке внешнеполитических приоритетов Японии Россия долгое время стояла

в пятой группе наряду со странами Средней Азии и Кавказом.

Однако после прихода на пост премьер-министра С. Абэ ситуация изменилась. Развитие отношений с Россией было объявлено одним из внешнеполитических приоритетов Японии. Причем на первый

план стал выходить экономический интерес, который оттеснил преобладавшую долгое время политическую составляющую на второй план. Ради этого интереса Япония смягчила свою позицию в отношении территориального спора, но лишь на уровне риторики. Возвращение четырех островов Курильской гряды по-прежнему рассматривается как проблема национального государственного суверенитета и национальной гордости, в силу чего надеяться на качественные уступки со стороны Японии оснований, видимо, нет. Компромиссы, на которые пока согласна японская сторона, могут затрагивать лишь детали и механизмы возвращения.

Сближение с Россией было подстегнуто проблемами, возникшими в японском энергетическом секторе после аварии на АЭС «Фукусима-1». Остановка работы атомных электростанций заставила Японию наращивать импорт углеводородов. Так как зависимость от Австралии и Индонезии уже достаточно высока, а импорт топлива из стран Персидского залива рискован в связи с обострением ситуации на Ближнем Востоке, Япония склонилась

Успех российского взаимодействия с Японией может послужить импульсом для вовлечения США в развитие Сибири и Дальнего Востока

к углублению сотрудничества с Россией. Интерес к российским топливно-энергетическим ресурсам оказался преходящим: в 2013 г. в Японии запущен процесс восстановления атомной энергетики, а диверсификацию газовых поставок решено осуществлять за счет импорта СПГ из Северной Америки. Однако сближение с Россией не прекратилось: выявлен целый ряд других направлений взаимовыгодного взаимодействия, которые постепенно начинают реализовываться, в первую очередь, сельское хозяйство.

Что касается политической составляющей, то, помимо ситуации с Курильскими островами, Россия остается значимой величиной для Японии также и потому, что, обладая относительно мощным военным потенциалом, она может пойти на более тесное военно-политическое сближение с Китаем, что особенно беспокоит Японию в стратегическом плане. С другой стороны, Япония всячески подчеркивает опасности китаизации российского Дальнего Востока. Возможно, эта проблема сознательно преувеличивается для склонения России в сторону дальнейшего сближения с Японией.

Пока Японии это удастся, тем более что сближение отвечает и интересам России

с точки зрения балансирования мощи дружественного Китая. В ноябре 2013 г. проведены первые в истории японско-российских отношений переговоры в формате «2+2», в которых участвовали главы внешнеполитических и обо-

ронных ведомств. С.К. Шойгу стал первым российским министром обороны за десять лет, который посетил Японию. Теперь визиты министров обороны решено осуществлять на регулярной основе. Достигнута также договоренность в совместных российско-японских учениях: антитеррористических и антипиратских в Аденском заливе, а также на базе МВД России в Домодедово для отработки мер по борьбе с наркотрафиком из Афганистана. Кроме того, планируется создать механизм консультаций экспертов по вопросам кибербезопасности.

Сближение России с Японией весьма позитивно воспринимается в США как шаг к интенсификации собственно американо-российских отношений в АТР¹⁷. Успех российского взаимодействия с Японией может послужить импульсом для вовлечения США в развитие Сибири и Дальнего Востока.

Южная Корея

Южнокорейское руководство достаточно активно позиционирует себя как кандидата в ключевые партнеры России в АТР, как своего рода «проводника» России в этот регион и как мост между Россией и США.

Предлагаемая Южной Кореей новая институциональная архитектура Северо-Восточной Азии достаточно интересна и нетривиальна. Южнокорейские компании заинтересованы в целом ряде промышленных и инфраструктурных проектов в Сибири и на Дальнем Востоке. В историческом и психологическом плане в российско-южнокорейских отношениях нет таких «демонов прошлого», как в отношениях с Китаем и Японией. Здесь, скорее, следует говорить о том, что Россия часто занима-

и Дальнего Востока. В-третьих, коррелируя свою политику с тихоокеанской стратегией Вашингтона, южнокорейские лидеры встревожены потенциальным сближением России и Китая (в том числе в рамках ШОС), прежде всего с точки зрения военно-политической составляющей.

КНДР

Хотя конкретное содержание современной северокорейской политики в отношении

России во многом остается неопределенным, но суть ее очевидна и утилитарна: использование заинтересованности Москвы в сохранении КНДР, а также доступ к экономическим ресурсам Сибири и Дальнего Востока для выживания северокорейского режима.

Стремясь к достижению стратегического баланса в отношениях с ключевыми игроками – Китаем и США – руководство Кореи поддерживает представление о России как о ее серьезном партнере в АТР

ет сдержанную и недоверчивую позицию по отношению к южнокорейским предложениям о сотрудничестве. То, как долго затягивалось российской стороной подписание соглашения о безвизовом режиме – тому свидетельство.

Стремясь к достижению стратегического баланса в отношениях с ключевыми игроками – Китаем и США – руководство Кореи поддерживает представление о России как о серьезном партнере Южной Кореи в АТР. Интерес корейских лидеров сводится, видимо, к трём составляющим. Во-первых, Россия воспринимается как один из источников обеспечения национальной южнокорейской экономики энергоресурсами и минеральным сырьем. Во-вторых, она рассматривается как важный ресурс для улучшения межкорейских отношений и решения корейской проблемы в целом. Как и на Китай, на Россию пытаются возложить ответственность не только за «умиротворение» северокорейских лидеров, но и за будущую судьбу народа КНДР, который нужно, прежде всего, накормить. В Южной Корее возлагают серьезные надежды на массивное привлечение Россией северокорейской рабочей силы для развития Сибири

Страны Юго-Восточной Азии

Ряд стран Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малайзия, Филиппины, Таиланд), в общем, проявляют интерес к Сибири и Дальнему Востоку и имеют здесь очевидные интересы, прежде всего, в сфере энергетики, транспорта, туризма и сельского хозяйства. Однако эти страны (за исключением Вьетнама) пока не имеют сколько-нибудь продуманной стратегии в отношении азиатских территорий России, впрочем, как и в отношении России в целом. В значительной степени они, как и страны Северо-Восточной Азии, обосновывают свою сдержанность состоянием делового климата в России: коррупцией, несовершенным таможенным, налоговым, валютным законодательством, недостатками правовой системы. Серьезным препятствием является отсутствие видимой заинтересованности и активных действий с российской стороны (как на местном, так и на региональном уровне) в привлечении интереса иностранных партнеров к Сибири и Дальнему Востоку.

Вьетнам – единственная страна в Юго-Восточной Азии, с которой у России сложи-

лись отношения стратегического партнёрства, – среди приоритетных направлений российско-вьетнамского взаимодействия выделяет военное, военно-промышленное, энергетическое, научно-техническое и гуманитарное сотрудничество. Ведутся переговоры о создании зоны свободной торговли между Россией и Вьетнамом. В контексте параллельного вьетнамо-американского сближения, успех этой идеи может сделать Вьетнам своего рода мостом во взаимодействиях России с Транстихоокеанским партнерством. В то же время

большой потенциал: австралийский опыт ведения хозяйства на слабозаселенных территориях может быть исключительно полезен России.

Пока же Австралия представляет интерес в основном для мигрантов из России, оттягивая на постоянное жительство часть интеллектуальных и трудовых ресурсов Дальнего Востока.

Новая Зеландия, несмотря на свою удаленность от России, является одним из тех государств АТР, которая проявляет интерес к созданию зоны свободной торговли с Россией. В этом случае она, как и Вьетнам, может стать «мостом» между Россией и Транстихоокеанским партнерством.

Вьетнам – единственная страна в Юго-Восточной Азии, с которой у России сложились отношения стратегического партнёрства

мост возможен и к созданию зоны свободной торговли с АСЕАН и участию в Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве.

За 2012–2013 гг. в ходе председательства в АТЭС значительно усилился политический диалог между Россией и Индонезией, причем не только на общем дипломатическом уровне, но и по линии отдельных экономических министерств и ведомств.

Австралия и Новая Зеландия

Канберра не рассматривает Россию как стратегического игрока в АТР, хотя и выступает за расширение её участия в делах региона и видит в ней роль балансира в растущем американо-китайском противостоянии. Деловые круги Австралии имеют определенный коммерческий интерес к восточным районам России, но пока не считают экономически целесообразным расширять здесь своё присутствие в силу наличия в мире и регионе более выгодных территорий для приложения капиталов. В то же время в привлечении австралийского капитала в развитие Сибири и Дальнего Востока сосредоточен

2.4. К усилению интеграции России в АТР

Рост «запроса на Россию» со стороны ее азиатско-тихоокеанских партнеров требует от нашей страны содержательного и оперативного отклика. Между тем, отчетливо просматривается иная тенденция: дисбаланс между этими ожиданиями и возможностями России им в полной мере соответствовать.

Несмотря на уже произошедшее усиление роли России в регионе, на настоящий момент она остается периферийной в отношении АТР державой, что непривычно для нашей страны. Обычно она находится в центре событий. В отношениях с постсоветскими республиками Россия выступает в качестве лидера. В отношениях с Западом у России есть сильный набор козырей, позволяющих ощущать свою силу и уверенность. В АТР ситуация иная: Россия имеет возможности укрепить свое влияние в регионе, но до лидерских позиций пока далеко. Единственной разумной стратегией в этих условиях является курс на снижение периферийности. России необходимо окно в Азию, роль которого могут сыграть лишь восточные территории страны. Очевидно, что основой

Активное участие в многосторонних форматах сотрудничества, которое России удается относительно успешно, должно быть дополнено созданием тесной сети крепких двусторонних экономико-политических связей со странами региона

для интеграции России в АТР должно стать усиление экономического сотрудничества через развитие Сибири и Дальнего Востока. Последнее позволит России перестать быть периферийной державой, а политическое усиление будет уже следствием экономического присутствия в регионе.

У России со странами АТР есть множество общих экономических интересов. Саммит АТЭС во Владивостоке стал важной площадкой, на которой эти общие интересы были выявлены. Саммит прошел, и теперь для России важно понять контуры дальнейшей стратегии взаимодействия со странами региона. Россия привыкла вести игру, опираясь на региональные интеграционные группировки, в первую очередь на АТЭС. Однако реальное значение этой площадки, как и других объединений (ВАС, Россия и АСЕАН и др.), на экономико-политические процессы в регионе очень невелико. Эти группировки «дверями» России в Азию стать не могут.

Отсутствие в регионе доминирующих интеграционных структур требует большей гиб-

кости в проведении внешней политики. И одновременно большего прагматизма. Активное участие в многосторонних форматах сотрудничества, которое России удается относительно успешно, должно быть дополнено созданием тесной сети крепких двусторонних экономико-политических связей со странами региона.

На двустороннем треке активизация азиатско-тихоокеанского направления российской внешней политики уже просматривается. Помимо укрепления политических и военных связей устойчивый характер приобрело наращивание масштабов и качества торгово-экономического сотрудничества, хотя российские позиции все еще значительно уступают таковым других региональных игроков. В 2013 г. подписаны многочисленные соглашения с Китаем и Японией. Наблюдается стремительное потепление отношений России и Японии, теоретически появилась перспектива подписания мирного договора между странами. Наблюдаются потепление отношений с Кореей, налаживание сотрудничества с Индонезией, усиление присутствия во Вьетнаме.

Укрепление двусторонних отношений между Россией и рядом стран АТР объективно работает на урегулирование актуальных проблем безопасности и активизацию процессов экономического регионализма. Например, наращивание связей Москвы с Пхеньяном и с Сеулом даже в услови-

ях стагнации межкорейского диалога приближает реализацию транспортных и энергетических проектов на Корейском полуострове, а, следовательно, укрепляет предпосылки к объединению Севера и Юга Кореи. А перспектива формирования зоны свободной торговли России с Вьетнамом прокладывает путь к зоне свободной торговли АСЕАН-Россия, тем самым устраняя формальное препятствие присоединения России к Региональному всеобъемлющему экономическому партнерству. Участие России в последнем способно оказать

анскими партнерами того, что без участия России региональный порядок, основанный на принципе равенства, взаимной выгоды и полицентричности, содействующий поддержанию общего экономического динамизма АТР, объективно не может быть оформлен.

Необходимость оправдания ожиданий заставляет Россию активнее наращивать масштаб и качество сотрудничества со своими региональными партнерами, осваивать его новые перспективные направления и диверсифицировать инструментарий своей политики.

Без участия России региональный порядок, основанный на принципе равенства, взаимной выгоды и полицентричности, содействующий поддержанию общего экономического динамизма АТР, объективно не может быть оформлен

стабилизирующее воздействие на многостороннее экономическое сотрудничество на азиатско-тихоокеанском и восточноазиатском треках.

В сфере политики и безопасности в актив России можно занести успешную разработку ниши «великой региональной неприсоединившейся державы». Это проявилось в дистанцировании от основных источников китайско-американского соперничества в АТР, прежде всего, по вопросу о морских коммуникациях и связанных с ним противоречиях. Российский подход к ракетно-ядерной проблеме КНДР делает акцент на неприемлемости как ее решения силовым путем, так и выдвижения Пхеньяном предварительных условий своего возвращения за стол переговоров¹⁸. На концептуальном уровне Россия выступает за так называемую «неделимую безопасность» в АТР, т.е. недопустимость укрепления собственной безопасности за счет других государств.¹⁹

Результатом такой ситуации стало растущее осознание нашими азиатско-тихооке-

В условиях существования взаимного недоверия между странами региона глобальные совместные проекты выступают скорее не сплачивающим, а разъединяющим элементом (наилучшим примером является Транстихоокеанское партнерство). Зато склеивающими страны региона, помимо торгово-экономического сотрудни-

чества, являются малые инициативы²⁰. Полноценная региональная интеграционная структура в регионе едва ли может быть выстроена сверху вниз. Если она и появится в ближайшие десятилетия, то только снизу вверх, сложившись из множества узкоспециальных областей сотрудничества между государствами АТР. Россия может сыграть ключевую роль в развитии ряда из таких областей.

Перспективна кооперация в сфере безопасности в атомной энергетике. Катастрофа на АЭС «Фукусима-1», а также приостановка ядерных реакторов в Корее из-за найденного брака в комплектующих делают данный вопрос крайне актуальным.

Необходимо и согласование стандартов безопасности, и выработка общих принципов реагирования на возможные инциденты. Россия как одна из ведущих держав, развивающих атомную энергетику и имеющих передовые технологии в этой сфере, могла бы выступить в качестве одного из инициаторов сотрудничества. Без ее участия оно идет достаточно вяло.

В условиях существования взаимного недоверия между странами региона склеивающими являются малые инициативы, где Россия может сыграть ключевую роль: обеспечение безопасности в атомной энергетике и мореплавании, сотрудничество в освоении Северного морского пути и в области морского туризма

Давно назрела инициатива сотрудничества в области реагирования на природные катастрофы. Восточные регионы России подвержены лесным пожарам и наводнениям, северные районы Китая – наводнениям и землетрясениям. Китай вообще является одним из мировых лидеров по уязвимости перед лицом природных катастроф, а ущерб от них составляет 3–6% ВВП ежегодно. При этом страны до сих пор реагируют на катаклизмы в одиночку, и это существенно снижает эффективность мероприятий, особенно с учетом удаленности приграничных районов России и Китая от центров экономической активности, где сосредоточены основные силы по ликвидации последствий катастроф. Наводнение на Амуре, поразившее и Россию, и Китай, при всей его трагичности могло бы стать полем сотрудничества двух держав, но этого не произошло. Не стоит ждать следующих бедствий, чтобы понять, что реагировать на них совместно эффективнее. В дальнейшем к российско-китай-

скому сотрудничеству в области реагирования на природные катастрофы могли бы присоединиться Япония, крайне уязвимая перед лицом землетрясений, ураганов и цунами, и страны Юго-Восточной Азии, где природные бедствия являются одной из ключевых угроз экономическому развитию.

Другим примером локальной инициативы может стать сотрудничество вокруг 180 меридиана. В акватории, прилегающей к Берингову проливу, сходятся интересы России, США и Канады, и есть все предпосылки к кооперации как в области безопасности мореплавания, так и в области обеспечения экологической безопасности (при добыче ресурсов, при транзите, при рыбном промысле)²¹. Вокруг этого взаимодействия трех северных стран (и после дальнейшего подключения к нему ведущих государств Азии) может в дальнейшем развиваться и сотрудничество вокруг освоения Северного морского пути.

Перспективно сотрудничество между Россией, Японией, Кореей и Китаем в области морского туризма. Запуск сети круизных лайнеров, курсирующих между этими странами, был бы прорывом в налаживании культурного взаимодействия между ними. С учетом трений, возникающих между Китаем, Кореей и Японией на море, никто, кроме России, не сможет выступить

инициатором такого шага, назревшего достаточно давно.

Все перечисленные области сотрудничества кажутся малозначимыми. Возможно, это и так, но пренебрегать ими не стоит. Только из сотрудничества в таких областях и может вырасти более масштабное партнерство.

Продолжение имеющегося курса на площадках многосторонней дипломатии, развитие двусторонних отношений и следова-

ние «политике малых инициатив» – ключевые шаги к полноценной интеграции страны в АТР, которые могут быть сделаны уже в краткосрочной перспективе. В то же время, они не должны оттеснять с первого плана главное: для интеграции в Азию Россия должна перестать быть ее периферией. С этой целью, повторим, необходимо развитие восточных районов России как экономического «окна в Азию», остающегося при этом важнейшей частью российского политического и культурного пространства.

3. Сибирь и Дальний Восток: переосмысление угроз и возможностей

3.1. Угрозы

3.1.1. Мифы о плохом климате и слабой заселенности

Существующее восприятие Сибири и Дальнего Востока как бремени для страны основано на уверенности в том, что развитие региона не может быть экономически обоснованным проектом²². При этом в качестве главных препятствий этому обычно рассматриваются слабая заселенность восточных территорий и суровость климатических условий.

Безусловно, оба фактора существенно затрудняют экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока, однако непреодолимыми препятствиями назвать их нельзя. Достаточно привести пример: плотность населения Сибири и Дальнего Востока – 2,3 чел./кв. км – это сопоставимо с показателями Австралии (2,8 чел./кв. км) и Канады (3,5 чел./кв. км) и в 4,6 раза выше, чем на Аляске (0,5 чел./кв. км)²³.

И в Канаде, и на Аляске природно-климатические условия сопоставимы с условиями Сибири и Дальнего Востока. Большая часть этих территорий мало пригодна для проживания и ведения экономической деятельности, за исключением добычи природных ресурсов. Однако уровень их развития на порядок выше, чем в России. Северные страны Европы (Норвегия, Швеция и Финляндия) также демонстрируют возможность обеспечения высокого уровня жизни в холодном арктическом климате.

Климат нельзя рассматривать как приговор. Многим странам природа отвела не меньшие вызовы. Нидерланды вынуждены отвоевывать свои территории у моря, страны Персидского залива – покорять пустыню, Израиль – бороться с острой нехваткой воды. Времена, когда холодный климат автоматически делал неконкурентоспособным любое производство, давно прошли. Затраты на отопление в Сибири не выше, чем на кондиционирование в Калифорнии.

В Австралии большая часть территории непригодна для сплошного заселения, однако это не мешает осуществлять на ней добычу природных ресурсов вахтовым методом и развивать крайне высокотехнологичное и эффективное сельское хозяйство. Другой пример победы над суровостью природных условий – динамичное развитие Монголии, сумевшей пристегнуться к экономическому росту Китая и демонстрирующей в настоящее время самый высокий в мире темп роста ВВП, несмотря на, возможно, худший среди всех стран мира климат.

Тяжелые климатические условия не должны использоваться как оправдание неспособности обеспечить в регионе достойный уровень жизни и рост экономической активности

Тяжелые климатические условия не должны использоваться как оправдание неспособности обеспечить в регионе достойный уровень жизни и рост экономической активности. Причина неудач – в неспособности выработать особый подход к развитию региона, учитывающий климатический фактор. Примером такой неспособности служили используемые в советское время механизмы завлечения населения страны в северные районы, наименее всего подходящие для его проживания, вместо концентрации его в южных районах и вахтовом варианте освоения ресурсов севера. Вплоть до настоящего времени и население северных территорий, и государство вынуждены расплачиваться за административные ошибки прошлого.

3.1.2. Экономические и демографические угрозы

В отличие от климата и слабой заселенности неблагоприятная экономическая ситуация в регионе является реальной угрозой его развитию. Номинальная зарплата здесь – одна из самых высоких в стране, однако разрыв в реальных доходах между Сибирью и европейской частью России увеличился с 15% в 2000 г. до 30% в 2010 г.²⁴

В десятке субъектов федерации – лидеров по количеству жителей с доходами ниже прожиточного минимума – семь находятся в Сибири и на Дальнем Востоке. Уровень безработицы в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах составляет соответственно 7,4% и 8,7% – выше он только на Северном Кавказе. В отдельных субъектах уровень безработицы вообще измеряется двузначными числами.

Несмотря на высокий соблазн ставить неутешительные диагнозы экономике региона в целом, надо понимать, что делать это подобно измерению средней температуры по больнице. Например, если при подсчете уровня безработицы не учитывать национальные республики юга Восточной Сибири и при этом учитывать Тюменскую область (исторически неотъемлемую часть Сибири, по недоразумению относящуюся к Уральскому федеральному округу), то Сибирь и Дальний Восток окажутся в более благоприятном положении по сравнению с Уралом и Поволжьем и сопоставимом с центром страны.

Сибирь и Дальний Восток – самая поляризованная часть России. ВРП на душу населения в разделяемых узким проливом Невельского Сахалинской области и Хабаровском крае различается в 3,8 раза, безработица в соседних Тыве и Красноярском крае – в 3 раза. По объему инвестиций на душу населения Дальневосточный федеральный округ опережает Сибирский в 2 раза, но при этом Тюменская область и входящие в ее состав два автономный округа занимают по этому показателю второе, третье и четвертое места в России.²⁵

Но даже анализ в разрезе субъектов федерации не дает четкого представления о реальном состоянии дел в регионе. Человеческие и инвестиционные ресурсы в Сибири исторически концентрируются в крупных городах. Контрасты между ними и периферией огромны. Несмотря на то, что в среднем уровень жизни населения восточных регионов относительно невысок, в авторитетном рейтинге самых богатых городов

Экономическое и демографическое развитие Сибири и Дальнего Востока в последнее десятилетие повторяет динамику развития России в целом

страны, ежегодно составляемом журналом «Финанс» на основе анализа подушевых расходов, города Сибири и Дальнего Востока регулярно занимают высокие позиции. В десятке лидеров за 2013 г. – шесть городов, расположенных к востоку от Урала (Тюмень, Новокузнецк, Красноярск, Кемерово, Новосибирск, Иркутск)²⁶. А по уровню автомобилизации населения четыре города Сибири и Дальнего Востока (Владивосток, Сургут, Красноярск и Тюмень) опережают идущую следом за ними Москву.²⁷

Не менее запутана и демографическая ситуация Сибири и Дальнего Востока. Широко распространено представление о том, что из региона происходит быстрый отток населения. Если взять за базу для сравнения 1990 г., то цифры действительно выглядят пугающе: население Сибири сократилось на 6,7%, а Дальнего Востока – на 22,3%. Однако большая часть этих значений определяется экономическими, социальными и демографическими процессами 1990-х гг. Но эти процессы уже ушли в историю и не могут оказывать существенного влияния на перспективы региона сегодня. Если же за базу для сравнения брать 2000 г., то соответствующие показатели составляют соответственно 3,6% и 8,8%. Показатель Сибири сопоставим

(или даже более благоприятен) с другими регионами: Северо-Западом, Уралом, Поволжьем. Для Дальнего Востока убыль населения все равно остается самой высокой в России, однако большая часть оттока происходит с малопригодных для

проживания северных территорий, а в районах концентрации населения на юге региона демографическая динамика остается в русле среднероссийской.²⁸

Таким образом, экономическое и демографическое развитие Сибири и Дальнего Востока в последнее десятилетие, несмотря на ряд характерных черт, в общем и в целом повторяет динамику развития России в целом. Демографические проблемы региона – зеркало проблем страны. Как и по всей России, усиливается тенденция к эмиграции дееспособного, особенно молодого населения, с периферии. Только в случае с Сибирью и особенно Дальним Востоком – все чаще уже не в центральную часть страны, а в государства АТР.

Несмотря на отсутствие кардинальных отличий в экономическом и демографическом положении Сибири и Дальнего Востока от ситуации в других регионах страны, значительная часть российской элиты уверена, что на Дальнем Востоке происходит едва ли не гуманитарная катастрофа. В поддержании этого мифа заинтересованы в первую очередь региональные элиты, использующие его как основание для получения федеральных трансфертов. Федеральный же уровень власти обладает очевидным

недостатком информации о состоянии дел в регионе и, идя на поводу у возникающих в таких условиях фобий и амбиций, принимает этот миф за правду.²⁹

Отказ от мифологизации, впрочем, не должен отменять видения реальных трудностей развития региона. Главной угрозой является ухудшающееся качество человеческого капитала. В миграционной убыли высока доля лиц, имеющих высшее образование (каждый третий уехавший с Дальнего Востока в 2010 г.). В массовом порядке выезжает наиболее образованная и динамичная часть молодёжи (по результатам опросов, каждый четвертый сибирский студент хотел бы покинуть регион). Введение

следуют автономные округа Тюменской области и сама Тюменская область³¹. Эксперты с беспокойством отмечают, что во многих из этих субъектов федерации взрывной рост рождаемости начался после введения в 2007 г. материнского капитала. Это признак преобладания высокой рождаемости среди малообеспеченных слоев населения. Как это скажется на качестве человеческого капитала в будущем – большой вопрос.

Ухудшение человеческого капитала проявляется и в истощении его идеологического и морально-психологического ресурса. Опросы общественного мнения констатируют низкий уровень доверия сибирского

и особенно дальневосточного населения к власти вообще и центральной – в особенности, а также его невысокую мотивацию к жизни в регионе. В последнее десятилетие прежде твердая уверенность жителей Сибири и Дальнего Востока в своей российской идентичности, в принадлежности к общему историческому

и культурному пространству, объединенному в понятии «Россия», подвергается всё большему давлению извне (как со стороны зарубежья, так и собственной столицы) и эрозии изнутри. Ощущение своей ненужности и заброшенности усугубляет чувство отчуждения от европейской прародины. Неудивительно, что почти половина жителей Приамурья и Приморья обнаруживает главные угрозы интересам России в Восточной Азии не в наращивании мощи Китая, конфликте на Корейском полуострове или споре с Японией из-за Курильских островов, а в неправильной политике Москвы и неадекватном отношении центра к этим далёким, хлопотным и затратным территориям.³¹

Такие настроения в отношениях с федеральным центром ведут не к росту сепаратизма, которым местные элиты пугают федеральные власти (опять же для получения трансфертов), а к голосованию ногами. Все большая доля эмигрантов из Сибири и Дальнего Востока предпочитает уезжать не в другие города России, а за рубеж. Сте-

Главной угрозой является ухудшающееся качество человеческого капитала, о чем свидетельствует высокая доля лиц с высшим образованием в миграционной убыли

ЕГЭ ещё более усилило отток молодых талантов.

Молодых, умелых, работоспособных замещают малообразованные и неквалифицированные мигранты, преимущественно из Средней Азии. В настоящее время в регион ежегодно официально привлекается порядка 160 тыс. иностранных рабочих (подавляющее большинство из них неквалифицированы), еще десятки тысяч трудятся полуполюгально и нелегально.

Неблагоприятны для качества человеческого капитала и демографические тенденции. По показателям естественного прироста Сибирь и Дальний Восток уступают в России лишь Северному Кавказу и Уралу. Однако большая часть прироста населения приходится на национальные республики, где уровень образования существенно отстает от передовых субъектов региона. По общему коэффициенту рождаемости республики Тыва, Алтай, Саха (Якутия) и Бурятия занимают второе, четвертое, шестое и седьмое места в России. За ними

пень усталости местного населения демонстрирует такая тенденция, как массовая эмиграция в Китай пенсионеров, обычно наименее склонных к перемене мест.

3.1.3. Наследие истории:

Сибирь как внутренняя колония

В докладе Валдайского клуба «К Великому океану, или новая глобализация России»³² было уделено значительное внимание роли исторического фактора в становлении сибирской и дальневосточной идентичностей, показаны основные этапы героического и трагического освоения данного региона, а также взаимодействия русской и автохтонных культур в Сибири – от первого столкновения к относительно гармоничной интеграции. Применительно к целям данного, второго, доклада основной акцент в историческом плане мы делаем на ключевой роли частной инициативы и предпринимательства в освоении Сибири.

Различны подходы к пониманию самого термина «колония». Доминирующее сейчас негативное и политизированное его понимание вступает в противоречие с традиционным, скорее положительным представлением о колонии как месте приложения новых сил и реализации новых экономических проектов. Именно в таком ключе понимали термин «колония» отцы-основатели сибирской областнической идеологии в XIX в. Главная книга одного из них, Николая Ядринцева, так и называлась «Сибирь как колония», но колония именно в положительном смысле слова, как точка роста и стимул для развития всей

страны в целом. Беда России в том, что экономические проекты в Сибири государственная власть (и при царях, и особенно при Сталине) решала весьма часто путем репрессий и моря крови. Именно поэтому, когда в очередной раз начинают разговор о государственном вмешательстве в развитие региона, то сибиряк вспоминает сразу же о Нарыме, Колыме и Краснокаменске.

Но в то же время видеть в Сибири только каторгу и ссылку неправильно и несправедливо. Сибирь, парадоксальным образом для своего стереотипного имиджа, очень часто была в истории территорией свободы, куда не достигало тяжелое «око государево», и где человек (очень редкая ситуация в России) был самостоятелен в принятии решений. Неслучайно, впрочем, и то, что среди первопроходцев русской Сибири были уже люди свободные. Во-первых, это поморы и другие группы с Русского Севера (условно, к Северу и Востоку от Вологды) – там, где не было крепостного права. Северные купеческие города Тотьма и Великий Устюг оказали большое воздействие на становление не только Русской Сибири, но и Русской Америки. Во-вторых, это казаки, бежавшие от крепостного права в приграничную вольницу. Ермак и его отряд были как раз из их числа.

В Сибирь люди шли за свободой. Но, убегая от государства, они, тем не менее, расширяли его границы. Н.М. Пржевальский записывал за крестьянами уссурийского края: «Что там? Земли мало, теснота, а здесь, видишь, какой простор, живи, где хочешь, паши, где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы

Сибирь была в истории территорией свободы, куда не достигало тяжелое «око государево» и где человек был самостоятелен в принятии решений

и всякого зверья множество, чего же еще надо? А даст Бог пообживемся, поправимся, всего будет вдоволь, так мы и здесь Россию сделаем».³³

Сибирь никогда не была колонией западноевропейского типа. Н.Я. Данилевский пишет: «Россия не мала, но большую часть ее пространства занял русский народ путем свободного расселения, а не государственного завоевания. Надел, доставшийся русскому народу, составляет вполне естественную область, – столь же естественную, как, например, Франция, только в огромных размерах, – область, резко означенную со всех сторон (за некоторым исключением западной) морями и горами. Область эта перерезывается на два отдела Уральским хребтом, который, как известно, в своей средней части так полог, что не составляет естественной географической перегородки».³⁴

Однако, несмотря на то, что Сибирь никогда не была классической колонией, империя применяла по отношению к ней политику именно колониального типа. «Сибирь, как медведь, сидит у России на привязи», – писал Ф.Ф. Вигель, проехавший через восток России в 1805 г.³⁵ Ситуация не изменилась и во второй половине XIX в.: в Сибири

сохранялась особая централизованная система управления и финансов, на регион не распространялась судебная и земская реформы, в урезанном виде введены и другие либеральные преобразования.³⁶

Даже создание Транссибирской железной дороги, которое, казалось бы, призвано было соединить Сибирь с европейской частью России, было обставлено государственной властью в самых худших колониальных традициях. Был введен т.н. «челябинский тарифный перелом», по которому все сибирские товары (а по производству зерна, сливочного масла, сыров Сибирь занимала лидирующие позиции в России), будучи перевезенными через Челябинск в европейскую часть России, обкладывались специальным тарифом, который резко снижал конкурентоспособность продукции, произведенной к востоку от Урала. Что это, как не внутренняя таможня? Такое понимание колонии, очевидно, уже не имело никаких позитивных коннотаций.

Все это не могло не привести к протесту со стороны сибирского общества. Осознание им собственной идентичности в условиях нежелания российской власти развивать и поддерживать местную частную инициативу привело к формированию начиная с 1860-х гг. первой целостной сибирской идеологии и политического движения, ставшего известным как сибирское областничество. Государственная власть России отнеслась к нему так же, как и к любому другому проявлению свободомыс-

лия. С одной только разницей: поскольку из Сибири в Сибирь сослать было нельзя, арестованных руководителей областников Г. Потанина и Н. Ядринцева сослали на европейский север.

Надо отметить и то, что неприятие Сибири, презрительное отношение к ней сформировалось среди русской интеллигенции еще задолго до коммунистов. Дневник путешествия А.П. Чехова через всю Сибирь на Сахалин является одним из первых памятников неприкрытого москов-

тических соображений – для обеспечения возможности быстро перебросить войска во Владивосток в случае военного нападения, а также с целью усилить собственное влияние в Китае.

Со временем политические мотивы развития Сибири были заменены экономическими. В.И. Ленин называл Сибирь «колонией в экономическом смысле». А в 1930 г. Генеральным планом развития Сибири были обозначены такие ее функции, как снабжение других районов хлебом и древесиной, а также производство зерна, леса, масла и пушнины на экспорт. Кроме того, регион должен был стать энергетическим центром страны – главным районом добычи угля и производства гидроэнергии³⁹. Наконец, начиная с 1960-х гг. главными богатствами Сибири стали нефть и газ.

Развитие владений России на востоке было всегда жестко подчинено интересам страны в целом: в XIX веке – политическим, в XX веке – экономическим

ского снобизма по отношению к Сибири, полным развязных и обидных эпитетов прославленного русского писателя по отношению к сибирякам. С другой стороны, именно Чехов (а не сибирские областники) прямо разделил понятия Сибири и России. Он прямо пишет в своем дневнике, что перевалив Урал, он выехал из России в Сибирь. И дальше для него – совсем другая страна, над которой он открыто глумится³⁷. Если и сформировался в России (а точнее, в Московии) свой тип колониального писателя, то А.П. Чехов – это его наиболее яркий и обидный для сибиряков вариант.

Развитие владений России на востоке было всегда жестко подчинено интересам страны в целом. Сначала – политическим. В XIX в. управление Сибирью рассматривалось как элемент окраинной имперской политики. В начале XX в. военный министр А.Н. Куропаткин видел в Сибири в первую очередь запас свободных земель: «Необходимо помнить, что в 2000 году население России достигнет почти 400 мил. Надо уже теперь начать готовить свободные земли в Сибири, по крайней мере, для четвертой части этой цифры»³⁸. При строительстве Транссиба хозяйственное развитие региона не рассматривалось в качестве цели – дорога строилась из военно-поли-

Тем не менее, в советское время отношение к Сибири как к колонии в значительной степени было преодолено. Строительство крупных ГЭС позволило создать мощные территориально-промышленные комплексы с основой на энергоемких производствах. Появились крупные университеты и один из символов сибирского освоения – Новосибирский Академгородок. Создан мощный задел для развития человеческого капитала, особенно в Западной Сибири.

Накопленный задел был существенно ослаблен со времен распада СССР. Промышленные регионы Сибири и особенно Дальнего Востока оказались наиболее уязвимы в период трансформационного спада (с 1991 по 1998 гг. промышленное производство в большинстве регионов Дальнего Востока снизилось примерно на 2/3), зато позиции сырьевых существенно укрепились (Тюменская область и Якутия оказались островком относительной стабильности в кризисной России)⁴⁰. Как следствие, восстановились и квазиколониальные отношения между Сибирью и центром.

Несмотря на то, что большая часть российского экспорта обеспечивается регионами, лежащими к востоку от Уральских гор (впрочем, из-за московской прописки

многих сырьевых компаний по официальной статистике эта доля составляет лишь около четверти – включая Тюменскую область, на которую приходится половина всего экспорта Сибири и Дальнего Востока), они по-прежнему существенно отстают от центра по уровню экономического развития, а особенно – по обеспеченности социальной, транспортной, образовательной инфраструктурой. А значительная часть компаний, добывающих ресурсы в Сибири и на Дальнем Востоке, платит налоги в бюджет Москвы. Во многих аспектах отношения Москвы и Сибири напоминают отношения метрополии и колонии и в наши дни.

3.2. Возможности

Сила Сибири и Дальнего Востока – в пространствах, ресурсах, природе, а главное – в людях. Значение этой силы долгое время не осознавали. Еще полтора десятилетия назад (в 1999 г.) огромные пространства востока России открыто обозначались в послании Президента Федеральному собранию как бремя для страны⁴¹. А сейчас немалая часть элит воспринимает природные богатства Сибири как российское проклятье, не позволяющее России вырваться из сырьевой ловушки⁴². Такая позиция не только деструктивна, но и просто неверна.

3.2.1. Территория и ресурсы

Огромные пространства Сибири и Дальнего Востока, несмотря на свою слабую заселенность и удаленность от центра страны,

имеют для нее огромную ценность. Она лишь усиливается благодаря происходящим в мире в последнее десятилетие сдвигам. Растущая нехватка ресурсов (как минеральных, так и возобновляемых – водных, лесных, рыбных, продовольственных и т.д.) и обострение глобальных экологических проблем ведут к новому росту влияния природных факторов на международные экономические процессы. Как следствие, растет и значение территории. Времена, когда теоретики глобализации прогнозировали абсолютное сжатие физического пространства и падение ценности территорий в связи с развитием транспортных и информационных технологий, минули. География не просто по-прежнему влияет на международные отношения, но ее роль даже возрастает. Происходит новая (экономическая) колонизация Африки, идет борьба за Арктику, трения возникают даже вокруг Антарктиды – континента, ранее закрытого для большой политики. Усиливается напряженность вокруг ключевых морских путей. Происходит возрождение геополитики – и как термина в научном обороте, и как основы для внешнеполитических стратегий государств.⁴³

Растущий интерес к Сибири и Дальнему Востоку не только в России, но и за рубежом – одно из отражений этой тенденции. Восточные территории России – это последний (если быть точным, один из последних) фронт, к развитию которого хотят быть причастные многие страны. Это еще и мост, соединяющий Европу и Азию не только идеологически, но и пространственно. Освоение Северного мор-

ского пути – один из ключей к открытию этого моста.

Сибирь и Дальний Восток – регион, исключительно богатый природными ресурсами. Здесь сосредоточено 10% мировой раз-

Восточные территории России – это мост, соединяющий Европу и Азию не только идеологически, но и пространственно

данной традиционной нефти, около 25% природного газа, до 12% угля, 9% золота, 7% платины, 9% свинца, 5% железной руды, до 14% молибдена, до 21% никеля⁴⁴. Очевидно, что велики в регионе и запасы сланцевых энергоносителей. Здесь находятся около 16% мировых запасов пресной воды (без учета подземных вод) и около 21% мировой площади лесов. На Сибирь и Дальний Восток приходится 22% площади российских пахотных земель. Наконец, морские биоресурсы Дальнего Востока – одни из самых богатых в мире.

При наличии таких богатств опора на ресурсы региона – естественная черта экономического развития, которой не надо стесняться. Предложения ускоренной индустриализации региона⁴⁵ (вплоть до превращения его в «планетарный центр индустриализации»⁴⁶), основанной на развитии традиционных отраслей промышленности или высоких технологий, видимо,

бесперспективны, как бы привлекательно они не звучали. А может быть, и вредны, так как отвлекают от использования реальных конкурентных преимуществ. В условиях соседства с азиатскими странами, являющимися «мировой фабрикой», любые попытки создать конкурентоспособные на мировом рынке трудо- и капиталоемкие производства обречены на провал. В развитии наукоемких производств (за исключением некоторых узких ниш, например, оборонного сектора) Россия безнадежно отстает уже не только от развитых государств, но и от Китая.

Возможности Сибири заключаются в использовании ее ресурсного потенциала. В то же время необходимо, чтобы ресурсный сектор работал на благо региона, а не просто генерировал прибыль компаний, часть которой в виде налога будет поступать в государственный бюджет или в офшоры, а эффект для самой Сибири будет близок к нулю. Ресурсный сектор должен не только создавать рабочие места, но и служить ядром для развития высокотехнологичных отраслей, привязанных к нему и сконцентрированных, как правило, в крупнейших городах. В развитии промышленных, в том числе наукоемких производств, нацеленных на добычу и переработку природного сырья, Россия может и должна преуспеть.

Основным драйвером развития региона на настоящий момент является энергети-

ка, и ситуация вряд ли изменится в ближайшем будущем. Однако на настоящий момент состояние топливно-энергетического комплекса региона неудовлетворительное – его технологическая и особенно институциональная структура значительно устарели. После покупки ТНК-ВР «Роснефть» государственные компании стали контролировать энергетику России практически полностью. Их способность лоббировать свои интересы привела к тому, что расширение энергетического сектора осуществляется преимущественно за счет

ются лишь самые примитивные альянсы для освоения конкретных месторождений, минимально связанные с передачей наиболее передовых ноу-хау.

Очевидно, что без существенного изменения институциональной среды энергетика не сможет стать основой для развития восточных территорий России. Это произойдет только тогда, когда лицензии на освоение новых запасов будут не бесплатно раздаваться государственным компаниям, а распределяться среди тех, кто сможет осваивать эти запасы эффективно. Прозрачная конкурсная система распределения лицензий не только заставит компании повышать качество технологической базы и, как следствие, развивать смежные наукоемкие технологии, но и позволит значительно снизить (при соответствующем регуляторном воздействии со стороны государства) цены на энергоресурсы для внутреннего рынка и за счет этого привлекать энергоемкие производства из-за рубежа.

Географическое положение, позволяющее осуществлять быстрый выход и на европейский, и на азиатский рынок, потенциально делает Россию самым гибким в мире поставщиком энергоресурсов

государственной поддержки, а не повышения производительности компаний. При этом норма прибыли нефтяной отрасли ни разу за последние годы не опускалась ниже 23–25%. Даже в кризисном 2008 г. она оказалась на уровне 38%. Это позволяет некоторым обозревателям делать вывод, что «политика нефтяных монополий по сути является колониальной»⁴⁷.

Наряду с институциональной средой необходимо менять и экспортную стратегию российского ТЭК. С учетом растущей волатильности цен на топливо продажи энергоресурсов по долгосрочным контрактам теряют свою привлекательность. Как следствие, ставка на трубопроводные поставки постепенно становится анахронизмом. Географическое положение, позволяющее осуществлять быстрый выход и на европейский, и на азиатский рынок, потенциально делает Россию самым гибким в мире поставщиком энергоресурсов⁴⁹. Однако для того чтобы использовать преимущества такого положения, необходимо строительство нефтеналивных терминалов и заводов по сжижению природного газа, ориентированных как на Европу, так и на Азию. Промежуточное положение, позволяющее быстро переставлять региональные приоритеты в ответ на изменение энергетической конъюнктуры, будут занимать арктические проекты. Первый из них, «Ямал СПГ», создаваемый корпорацией «НОВА-ТЭК», уже запущен.

Сытая жизнь не создает для российских энергетических компаний стимулов следовать мировым трендам развития отрасли, в первую очередь стремительному росту его технологичности. Проблема даже не в игнорировании прорывных технологий, в частности технологий добычи сланцевого газа, а в неспособности за счет постепенной модернизации увеличить добычу («Газпром» за 2002–2012 гг. снизил ее на 7,3%⁴⁸) и повысить ее эффективность. Если в США дебет забрасывания скважин (то есть отдача, при которой скважина перестает использоваться для добычи) составляет 250 л нефти в сутки, то в России – 8 т в сутки. Мы разбрасываемся собственными энергетическими богатствами. И при этом не учимся у иностранцев: с ними заключа-

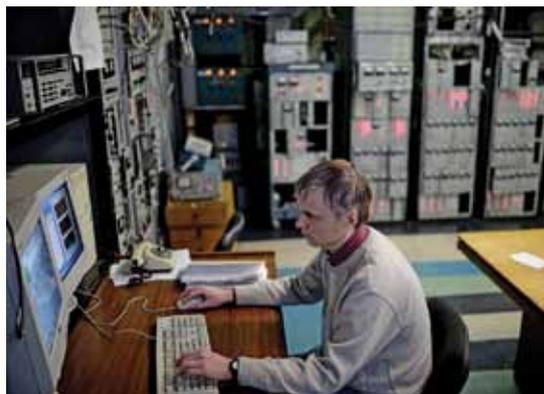

Энергетические богатства Сибири и Дальнего Востока не ограничиваются ископаемым топливом. В России производится 4,5% гидроэнергии всего мира⁵⁰, а по запасам гидроэнергии (9% от мирового значения) она уступает только Китаю. 80% производства электроэнергии сосредоточено в Сибири и на Дальнем Востоке. При этом потенциал гидроэнергетики Сибири использован пока лишь на 20%, а Дальнего Востока (где действуют пока лишь три ГЭС) – лишь на 4%⁵¹. ГЭС, сконцентрированные на юге Сибири и Дальнего Востока, могут стать ядром для развития кластера энергоемких производств, от алюминиевых заводов до центров хранения и переработки информации (соответствующие подразделения ведущих информационных компаний уровня Google или Facebook потребляют огромное количество электроэнергии).

Ситуация в алмазной отрасли очень близка к ситуации в энергетической: Россия является крупным поставщиком алмазного сырья (28% мировых поставок), но мало использует его для развития внутренних производств. Остро необходимо модернизировать отрасль. В первую очередь, использовать возможности добычи технических импактных алмазов гигантского (по некоторым данным – превышающего по своим ресурсам все мировые запасы) Попигайского месторождения на границе Красноярского края и Якутии. Свойства этих алмазов идеальны для их применения в высокотехнологичных отраслях, а потому возникают возможности создания соответствующих производств – от бурового оборудования до элементов компьютерных

устройств – в городах юга Западной и Восточной Сибири⁵².

Россия обладает великолепными возможностями успешной добычи и переработки редкоземельных металлов. Их запасы в России уникальны и по количеству (около 30% мировых), и по качеству. Почти все они расположены в Сибири и на Дальнем Востоке, а Томторское месторождение в Западной Якутии является одним из крупнейших в мире. На настоящий момент к востоку от Урала редкоземельные металлы в России практически не добываются. Но в последние годы появились отличные возможности для изменения ситуации. В 2010 г. Китай, обеспечивающий 97% мирового производства редкоземельных металлов, резко снизил их экспорт, что привело к возникновению на рынке острого дефицита и росту цен. Российские запасы могут заместить сократившиеся поставки из Китая в промышленно развитые страны (Японию, Корею, страны Европы и Северной Америки), но могут быть использованы и внутри страны. Так, например, производство конструкционных материалов и других видов продукции с использованием редкоземельных металлов в крупных городах юга Сибири могло бы стать основой для создания в регионе нового высокотехнологичного кластера и установления тесных кооперационных связей между северными и южными районами. Такое производство будет иметь значительный экспортный потенциал, обусловленный как относительной дешевизной продукции из-за близости минерального сырья, так и легкостью транспортировки (в виду малого веса)⁵³.

Водные ресурсы могут быть использованы не только как генератор гидроэнергии. В связи с растущей во всем мире и особенно в азиатских странах нехваткой воды есть все перспективы для расширения в Сибири и на Дальнем Востоке водоемких производств, в частности, производства химволокна и целлюлозно-бумажной продукции. Особые перспективы у сельского хозяйства, для которого, кроме пресной воды, нужны пахотные земли и пастбища, значительный неиспользованный резерв которых на всем Евразийском континенте остался лишь на востоке России⁵⁴.

Уникальным источником богатств являются лесные и рыбные ресурсы Сибири и Дальнего Востока. В то же время, именно эти сектора в настоящий момент являются наименее прозрачными. Откровенная криминогенность лесного и рыбного хозяйства в отдельных регионах не позволяет использовать их потенциал на благо страны и приводит к хищническому истощению ресурсов. Во многом это вызвано наследием 1990-х гг., отчасти – сложностью получения легального доступа и огромным количеством бюрократических барьеров. Последние обусловлены преимущественно экологическими соображениями, однако в условиях неспособности государства полноценно контролировать процесс вырубki и вылова результат введения административных природоохранных мер из-за расширения нелегального сектора оказывается прямо противоположным желаемому. В дополнение к этому, бессистемность в лесополь-

зовании приводит к учащению лесных пожаров, ущерб от которых за один лишь 2012 г. превысил 10 млрд. рублей.

Наконец, еще одной возможностью, которую дарит Сибири и Дальнему Востоку их природа, является туризм. Вечные разговоры о том, что развитие туризма в регионе приведет к деградации природной среды, несостоятельны, что доказывает опыт множества стран, как развитых, так и развивающихся. Новая Зеландия или Коста-Рика привлекают миллионы экотуристов в год, но их природа от этого не страдает. Более того, есть все основания утверждать, что туризм может оказать оздоравливающее воздействие на природный капитал Сибири и Дальнего Востока, так как он дисциплинирует местных жителей – именно они, привыкшие к безграничности сибирских пространств, зачастую являются главными виновниками деградации уникальной природы региона. В качестве примера возможной полезности туристских потоков можно привести Кению и Танзанию, где именно массовое привлечение туристов и охотников позволило сохранить животный мир местных саванн. Обустройство массового туризма к главным природным объектам региона (не целиком, достаточно открытия отдельных участков) – это еще и важный шаг к развитию у людей (как сибиряков, так и европейской части России) чувства сопричастности к своей стране. Это в полной мере работает, например, в США, где природные достопримечательности, открытые для публики, стали настоящими национальными символами.

Россия недоиспользует природный капитал Сибири и Дальнего Востока. И это выливается не в сохранение ресурсов для будущих поколений, а в их разбазаривание. В условиях роста значения природных факторов для мировой экономики важным условием конкурентоспособности страны является не только обладание природными ресурсами, но и способность ими управлять. Россия пока этот тест в значительной степени проваливает.

3.2.2. Люди

Наряду с ростом значения природных факторов в международных отношениях происходит и другой сдвиг: международная конкуренция постепенно смещается

Международная конкуренция постепенно смещается из военно-политического поля в экономико-технологическое и в идейно-информационное

из военно-политического поля в экономико-технологическое и в идейно-информационное. Как следствие, главным условием успеха страны на международной арене становится способность генерировать и транслировать идеи, а на их основе разрабатывать новые технологии, навязывать свои вкусы и правила, строить новую экономику. Это способны делать только талантливые и образованные люди – развитие человеческого капитала становится первейшим приоритетом государственных стратегий во многих странах мира. В России человеческому капиталу пока должно-го внимания не уделяется, и, как следствие, в развивающейся конкуренции идей и технологий она все более отстает от других ведущих государств⁵⁵.

К сожалению, российский человеческий капитал деградирует. 70 лет советской власти, систематически уничтожавшей лучших; развал страны, суливший надежды на свободу, но принесший нищету 1990-х гг., нанесли народу тяжелый ущерб. Необ-

ходимость бороться за выживание, окружающая несправедливость, социальная беззащитность привели к утрате доверия к государству и другим людям, к неверию в собственные силы, к тотальному пессимизму и нежеланию двигаться вперед. Перелом этих тяжелых тенденций – дело как минимум поколения.

Население Сибири и Дальнего Востока также оказалось подвержено этим тенденциям. И все же череда исторических травм у него оказалась гораздо короче. Коренные сибиряки избежали ужасов крепостного права и коллективизации, их в меньшей степени затронули сталинские репрессии. Здесь в отличие от европейских регионов

России не уничтожали миллионами наиболее активных, талантливых, независимых. Здесь живут потомки тех, кто от государства когда-то убежал. Людей свободных, не встроенных в иерархии и не сломленных бесчисленными бедами. Людей, готовых к проявлению инициативы и разумному риску. Именно такие люди и могут вести Россию вперед. Могут создать центр возрождения российской пассионарности.

Несмотря на большой удар, нанесенный сибирякам в 1990-е гг., качество человеческого капитала в Сибири на настоящий момент находится на уровне, какого не было никогда за всю историю развития региона, разве что в те трагические периоды, когда лучшие люди страны, сосланные сюда, могли работать лишь киркой. Существуют мощные университеты и научные центры, как созданные в советское время (Новосибирский Академгородок), так и новые (Сибирский федеральный университет), получающие значительное государственное финансирование (позволяющее, среди прочего, привлекать из-за рубежа ученых в статусе Нобелевских лауреатов). В Сибири расположены, возможно, лучший в стране технопарк (Новосибирский) и самый большой студенческий город России, не считая двух столиц (Томск). Конечно, эти людские богатства, как и все в Сибири, распределены крайне неравномерно.

Население и Сибири, и Дальнего Востока склонно к предпринимательству. Несмотря на неблагоприятный деловой климат, немало тех, кто сумел выстроить жизнеспособные модели бизнеса, преуспев в агрессивной среде. На опыт таких людей, безусловно, следует опираться.

3.3. Новое осмысление ситуации в российской Арктике

Неотъемлемой частью Сибири и Дальнего Востока являются арктические территории, лежащие к востоку от Урала. В их отношении особенно остро необходима переоценка угроз и возможностей. В течение всего постсоветского периода Арктика висела на плечах страны едва ли не мертвым грузом – эти территории рассматривались как абсолютно бесперспективные с точки зрения ведения хозяйственной деятельности, однако проживающее здесь с советских времен население необходимо было содержать. Северный завоз стал настоящим образцом социальной ответственности государства – мерой, воспринимающейся как крайне обременительная, хотя и необходимая.

В настоящее время настала пора смотреть на Арктику по-другому. Таяние льдов Северного Ледовитого океана, сдвиг экономической мощи в Азию и быстрое развитие технологий способны уже в ближайшее десятилетие сделать Арктику одним из наиболее динамично развивающихся регионов Земли. На первое место выходят игнорировавшийся долгое время ресурсный, транспортный и транзитный потенциал арктических территорий. Ими может и должна начать активно пользоваться и Россия.

В последнее десятилетие развитие технологий и рост цен на нефть существенно повысили интерес к освоению нефтегазовых ресурсов арктического бассейна. Одновременно выяснилось, что запасы ископаемого топлива на арктическом шельфе и под океаническим дном, по-видимому, по-настоящему огромны. Так, по данным Геологической службы США, объем неразведанных нефтегазовых запасов Арктики составляет около 412 млрд. баррелей

нефтяного эквивалента, что эквивалентно 22–25% совокупных неразведанных запасов традиционных углеводородов в мире. Большая часть неразведанных запасов приходится на оффшорные территории (около 84% углеводородных ресурсов), а основная их доля сосредоточена на шельфе. При этом, если нефть расположена преимущественно в арктических районах Западного полушария, то преобладающая часть газа сосредоточена на российском шельфе. На российский сектор Арктики по некоторым оценкам приходится около 70% всего арктического природного газа, 39% из них залегают в Западносибирском бассейне⁵⁶. Более того, российский участок арктического шельфа наиболее удобен для освоения.

Безусловно, приведенные цифры следует воспринимать с осторожностью. Оценки неразведанных ресурсов неизбежно носят спекулятивный характер – невозможно точно оценить имеющиеся запасы, а главное – возможности их извлечения. Тем не менее, именно они подстегнули интерес к Арктике и даже запустили настоящую международную борьбу за нее. Ее активная фаза началась в 2007 г., когда два российских батискафа установили на Северном полюсе российский флаг, а в Москве заговорили о притязаниях примерно на 18% дна Северного Ледовитого океана.

Пока борьба за Арктику выглядит контрпродуктивной. Во-первых, она походит на борьбу за шкуру неубитого медведя. Во-вторых, все потенциально извлекаемые запасы углеводородов все равно сосредоточены на шельфе, а значит, находятся в юрисдикции той или иной страны. Неудивительно, что со временем напряженность в регионе существенно спала.

Скорее всего, главные возможности, которые дает Арктика, на настоящий момент заключены не в ресурсах, а в ее транзитном потенциале. В первую очередь, этот потенциал связан с Северным морским путем (СМП). В 2009 г. два коммерческих судна совершили первый транзитный рейс по СМП. В 2011 г. маршрут использовали для транзита уже 34 судна, в 2012 г. – 46, в 2013 г. – более 70.

Главные возможности, которые дает Арктика, на настоящий момент заключены не в ресурсах, а в ее транзитном потенциале

Главный плюс использования СМП – экономия времени транспортировки: в зависимости от маршрута она может составлять от 6 до 19 дней. СМП обеспечивает и значительное сокращение расхода финансовых средств. Анализ для маршрута Мелкойя-Йокогама показывает, что за счет экономии на оплате фрахта судна и сокращения потребления топлива в расчете на один рейс можно достичь годовой экономии (при условии 3 отправок судна в год) порядка 18–20 млн. долл. (до 21 дня экономии при проходе в одну сторону). Экономия лишь на топливных расходах на рейсе в одну сторону составляет порядка 800 тыс. долл.⁵⁷ Расчеты для маршрута Йокогама-Гамбург показывают, что в летний период затраты на доставку контейнеров по СМП могут быть на 30–35% ниже стоимости доставки через Суэцкий канал, в зимний период – напротив, на 25–27% выше. Со временем стоимость проводки может уменьшаться по мере накопления опыта и повышения технологической эффективности. Развитие инфраструктуры также будет способствовать снижению себестоимости перевозок по СМП.

Северный морской путь имеет множество конкурентных преимуществ перед альтернативными маршрутами при пере-

возках грузов из Северной Европы в Азию. В дополнение к временной и финансовой экономии к ним можно отнести абсолютную безопасность от пиратства, а также отсутствие узких мест – СМП в отличие от Малаккского пролива или Суэцкого канала вряд ли когда-нибудь будет перегружен.

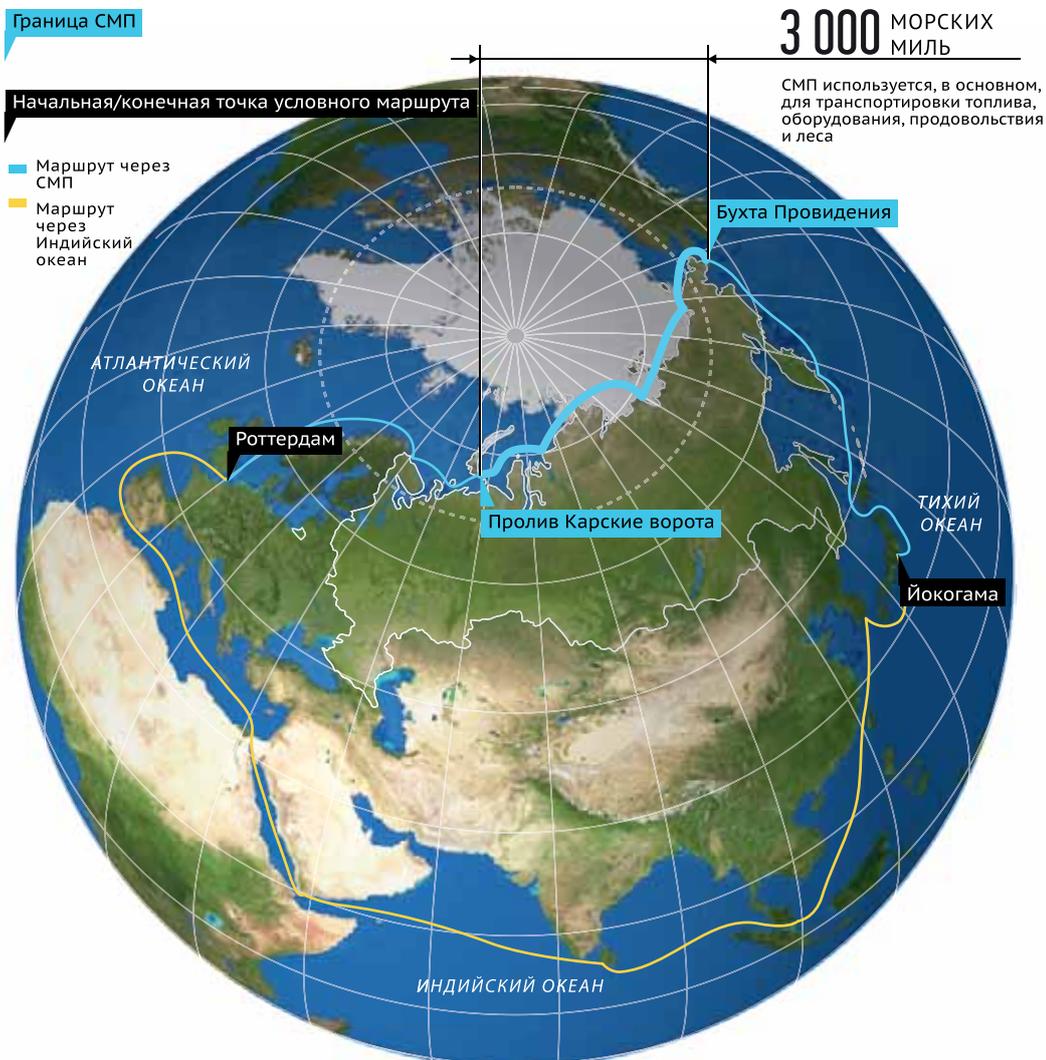
Конечно, ожидать, что СМП даже в среднесрочной перспективе превратится в транзитный маршрут мирового уровня, преждевременно. Пока по нему в год проходит меньше судов и перевозится меньше грузов, чем по Суэцкому каналу в день. Но в условиях роста интереса к арктическим ресурсам и стремления азиатских стран диверсифицировать источники поставок топлива и маршруты отгрузки экспортных товаров значимость СМП будет неизбежно возрастать. Сформируется у него и устойчивая грузовая база. Ее составят⁵⁸:

- в направлении запад-восток: сжиженный природный газ (Сабетга, Хаммерфест); железорудный концентрат (Мурманск, Нарвик); сырая нефть (Приморск); газоконденсат (Усть-Луга, п. Витино);
- в направлении восток-запад: уголь (Принц Руперт, Ванкувер); рыба (Петропавловск-Камчатский, Хоккайдо); светлые нефтепродукты (Пусан, Инчон); сезонные контейнерные грузы (Пусан, Хоккайдо), сжиженный природный газ (Сабетга).

Транзит в качестве главной возможности, предоставляемой Арктическим регионом,

Северный морской путь

СМП – главная судоходная магистраль Арктики, проходящая вдоль северных берегов РФ, соединяющая европейские и дальневосточные порты

Планы развития СМП

ОБЪЕМ ПЕРЕВОЗОК, МЛН ТОНН

5

2012 год

64

2020 год*

* Предварительный прогноз

Основные плюсы

- 1 Снижение стоимости груза из-за уменьшения расстояния и времени пути:

РАССТОЯНИЕ (В МОРСКИХ МИЛЯХ) / ВРЕМЯ (В СУТКАХ)

7 300/20

11 200/33

- 2 Отсутствие угрозы морского пиратства

Основные минусы

- 1 Необходимость в сопровождении ледокола
- 2 Необходимость подготовки экипажа для работы в Арктике
- 3 Короткий навигационный период: 2-4 месяца в год

требует недопущения конфликтов и многосторонней кооперации. Милитаризация Арктики должна закончиться, едва начавшись. Ей на смену должна прийти эра мирного сотрудничества. Она уже открыта. В 2008 г. арктические страны подписали Илулисатскую декларацию, содержащую обязательство решать конфликты мирным путем, а в следующие годы, используя механизмы Конвенции ООН по морскому праву и Арктического совета, разрешили практически все пограничные конфликты, наладили сотрудничество в поисково-спасательных работах, в регулировании рыболовного промысла, в реагировании на разливы нефти и т.д.⁵⁹

Мир и атмосфера сотрудничества в регионе – ключевое условие для того, чтобы Россия в полной мере могла использовать свое

арктическое положение. При этом освоение газовых ресурсов региона (для налаживания поставок СПГ в Европу и Азию) с целью превращения России в «самого гибкого в мире поставщика энергоресурсов» (см. выше) должно дополняться развитием транзитного потенциала с максимальным использованием возможностей международного сотрудничества. При этом две главных ценности должны оставаться неизменными: суверенитет России над своей шельфовой зоной и максимальная экологическая безопасность. Эти две ценности тесно взаимосвязаны. Новая Земля – типичный пример того, как экологическая катастрофа обесценивает суверенитет: архипелаг, хотя и принадлежит России, совершенно непригоден для какого-либо использования.

4. Международное сотрудничество для развития Сибири и Дальнего Востока

4.1. Сибирь и Дальний Восток как поле компромисса

Ключевым условием развития Сибири и Дальнего Востока является открытие региона для зарубежных партнеров. Принципиально важно, чтобы сотрудничество России со странами АТР приобрело не только геополитическое, но и экономическое измерение. Экономика, а именно – оптимальное использование ресурсов территорий востока России (не только ископаемых, но и человеческих, интеллектуальных, земельных, водных, биологических) – позволят сделать Сибирь и Дальний Восток развитым регионом, который, с одной стороны, сможет тесно интегрироваться в хозяйственные связи в рамках АТР, а с другой – даст новый импульс замедляющемуся экономическому, политическому и духовному развитию России.

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона, как отмечалось, заинтересованы в развитии Сибири и Дальнего Востока, хотя, естественно, далеко не в той степени, в какой в нем должна быть заинтересована Россия. Зарубежными партнерами движут преимущественно следующие мотивы:

- Стремление получить доступ к природным богатствам региона. Сибирь и Дальний Восток богаты ресурсами, в которых сопредельные страны испытывают возрастающий дефицит. Речь идет не только об углеводородах, но и об обильных земельных, водных, лесных, рыбных ресурсах Сибири и Дальнего Востока, совместное освоение которых может пойти на пользу и России, и странам АТР.

- Стремление использовать транзитный потенциал региона, в первую очередь, Северный морской путь, в определенной степени Транссиб. Модернизация Транссиба и освоение Северного морского пути совместными усилиями стран региона – это задача, реализация которой представляет большой интерес и для России, и для ее азиатских партнеров.
- Стремление заполнить геополитический вакуум, образующийся на востоке России. Просторы Сибири и Дальнего Востока – это едва ли не последний в мире обширный территориальный массив, «последний фронт», крайне слабо вовлеченный в хозяйственную деятельность. В связи с тем, что в современном мире территория и природные ресурсы снова приобретают возрастающее значение, за этот массив неизбежно будет разворачиваться борьба. Все азиатские страны заинтересованы в том, чтобы эта борьба имела форму честной экономической конкуренции и осуществлялась по понятным и равным для всех правилам. Это возможно только в том случае, если суверенный контроль над развитием Сибири и Дальнего Востока будет осуществлять Россия. Доминирование Китая в гонке за российские ресурсы, казавшееся весьма вероятным еще несколько лет назад, неприемлемо для всех других стран региона, не желающих столь масштабного усиления своего главного конкурента. Для самого Китая освоение Сибири под патронажем России, но с ориентацией на Китай, является наиболее подходящим сценарием. Экспансия на территорию Тихоокеанской России

Китаю не нужна – она будет неизбежно сопровождаться ростом напряженности в регионе, а доступ к ресурсам можно получить и без нее. Как следствие, с точки зрения любой страны оптимальным является сотрудничество в области развития Сибири и Дальнего Востока с участием всех государств АТР при ведущей (но на порядок более активной, чем в настоящее время) роли России.

4.2. Экономические интересы зарубежных партнеров в Сибири и на Дальнем Востоке

Наиболее очевидный объект интереса зарубежных партнеров на территории Сибири и Дальнего Востока – энергетические ресурсы. Растущий спрос азиатских стран на ископаемое топливо заставляет их наращивать его импорт. В то же время постоянная (и даже усилившаяся в 2013 г. в связи с обострением обстановки на Большом Ближнем Востоке) нестабильность на энергетических рынках стимулирует страны к диверсификации импорта. Эти две тенденции обусловили растущий интерес азиатских государств к российским углеводородам.

Как следствие, в 2013 г. заключен целый ряд крупных сделок между российскими и азиатскими энергетическими компаниями. «Роснефть» подписала 25-летний договор с китайской компанией CNPC на поставку нефти в Китай. «НОВАТЭК» и CNPC договорились о приобретении последней 20%-ой доли проекта «Ямал СПГ», а еще

одним партнером в рамках проекта, станет консорциум компаний либо из Японии (Mitsui и Mitsubishi), либо из Индии (ONGC Videsh, Indian Oil Corp и Petronet LNG). С корейской компанией YNCC «НОВАТЭК» подписала соглашение о поставке нефти. «Роснефть» заключила несколько договоров с индийскими и японскими компаниями, предполагающих их участие в проекте строительства СПГ-завода на Сахалине, а также соглашение о поставках газа с этого завода в Японию. «Газпром» подписал меморандум о сотрудничестве по проекту «Владивосток-СПГ» с рядом японских компаний. Кроме того, близятся к завершению переговоры между «Газпромом» и CNPC о поставках трубопроводного газа в Китай.

Для оценки перспектив выхода России на азиатские энергетические рынки ключевое значение имеет понимание специфики ее возможной роли на них. Россия не станет для Азии ключевым поставщиком – конкуренция высока, а многие контракты подписаны на много лет вперед. Значение российских углеводородов состоит в том, что они дают возможность азиатским государствам диверсифицировать импорт. С этой точки зрения, наиболее перспективным сегментом для азиатских стран являются морские поставки нефти и особенно СПГ. Трубопроводные поставки в Китай будут развиваться, однако их потенциал, несмотря на огромную емкость рынка, ограничен. Главными ограничениями являются планы Китая по разработке собственных запасов сланцевого газа, а главное – его нежелание слишком сильно полагаться на одного поставщика (тем более в рамках

долгосрочных контрактов). Развитие гибких форм транспортировки ископаемого топлива, в первую очередь СПГ, – вот главный и неиспользованный пока энергетический козырь Сибири и Дальнего Востока.

Российские энергетические ресурсы – не единственное основание для интенсификации международного сотрудничества в Тихоокеанской России. Другим важнейшим ресурсом, значимость которого в перспективе может превысить значимость нефти, является пресная вода. В докладе «К Великому океану, или новая глобализация России» в качестве главного потенциального драйвера экономического роста Сибири и Дальнего Востока рассматриваются водоемкие производства и, прежде всего, сельское хозяйство. Прошедшие с момента публикации доклада полтора года подтвердили справедливость этих оценок.

Сельскохозяйственный потенциал Тихоокеанской России уже начинает привлекать иностранцев. На настоящий момент реализуются преимущественно небольшие проекты. Так, корейская корпорация Hyundai поглотила аграрное предприятие «Хороль Зерно» в Приморье и стремится арендовать в России пахотные земли площадью не менее 40 тыс. гектаров. В Хабаровском крае китайской провинции Хэйлунцзян сданы в аренду 426 тыс. га приграничных земель. Одновременно значительное количество дальневосточных земель обрабатывается китайцами нелегально. Кроме того, активно разворачивается сельскохозяйственное сотрудничество России с Японией (см. ниже).

В 2012 г., в преддверии саммита АТЭС во Владивостоке, была предпринята попытка перевести российско-азиатское сотрудничество в сельском хозяйстве в качественно новую форму. Министерство экономического развития представило проект сдачи в аренду партнерам из Сингапура, Тайваня, Вьетнама, Японии и Южной Кореи нескольких миллионов гектаров земли в Приморском, Хабаровском краях и Амурской области для выращивания риса и сои. По планам министерства, под каждый проект инвестор мог получить до 200 тыс. га земли за символическую плату в 50 руб. за гектар. Инициативу предполагалось представить иностранным партнерам на Саммите, однако она в конечном итоге не нашла поддержки других блоков правительства.

Мощным толчком к развитию сельского хозяйства на Дальнем Востоке может стать аграрное сотрудничество с Японией. Япония крайне заинтересована в нем. Во-первых, перенеся модель сельского хозяйства Хоккайдо во вполне подходящие для нее агроклиматические условия российского Дальнего Востока, Япония получит доступ к земле – ресурсу, в котором ее сельскохозяйственные производители испытывают наибольшую нехватку. Во-вторых, производство сельскохозяйственной продукции в России и ее дальнейший экспорт в Японию – это одновременно простое и изящное решение по-прежнему остро стоящей перед страной проблемы продовольственной безопасности.

Для России сотрудничество с Японией в сельскохозяйственной сфере не менее

выгодно. Японские производители не только будут обеспечивать рост налоговых поступлений и создание новых рабочих мест. Применение современных технологий и устойчивых практик землепользования позволит спасти пахотные земли от деградации, вызванной как простаиванием, так и нелегальным использованием. Кроме того, развитие сельского хозяйства постепенно может перерасти в развитие всего агропромышленного комплекса региона. По крайней

эти площади вдвое. Потенциал сотрудничества, однако, намного больше: оно, среди прочего, может охватывать и соседние регионы – Приморье и Еврейскую автономную область.

В настоящее время прорабатывается российско-японский сельскохозяйственный проект на Сахалине. Он предполагает строительство и модернизацию картофеле- и овощехранилищ, развитие бройлерного производства и переработки мяса птицы,

расширение тепличного хозяйства, проведение сортоиспытания семян и поставку сельскохозяйственной техники предприятиям Сахалинской области.

Другим направлением тесного сотрудничества может стать марикультура. По оценкам ученых, продуктивность прибрежных вод Сахалина, Приморского и Хабаровского краев составляет около 3,5 млн. т морепродуктов. Этот потенциал пока почти не используется – суммарная продукция марикультуры всех дальневосточных хозяйств не превышает 1 тыс. т в год. Главной сложностью для развития марикультуры на Дальнем Востоке является необходимость крупных инвестиций, измеряемых в десятках миллиардов рублей. У региональных бюджетов таких средств нет, однако есть заинтересованность иностранных инвесторов. Особенно перспективными могут быть инвестиции в эту отрасль из Японии, Южной Кореи,

Добыча и переработка ископаемого топлива, сельское хозяйство, марикультура, а также организация транзита через Северный морской путь – ключевые области сотрудничества России с азиатскими странами на территории Сибири и Дальнего Востока

мере, Япония постулирует свою готовность инвестировать не только в обработку земель, но и в производство сельскохозяйственной техники, модернизацию инфраструктуры, развитие пищевой промышленности и т.д.

На настоящий момент подписано соглашение между Банком Хоккайдо и Амурской областью, в рамках которого японцы в 2012 г. засеяли гречихой, соей и кукурузой 500 га земли; в 2014 г. планируется увеличить

эти площади вдвое. Потенциал сотрудничества, однако, намного больше: оно, среди прочего, может охватывать и соседние регионы – Приморье и Еврейскую автономную область.

Норвегии. Эти страны обладают давними традициями развития марикультуры, имеют соответствующие технологии и кадры, которыми готовы делиться с Дальним Востоком. Если вокруг Владивостока на основе передовых зарубежных технологий будет создан биотехнологический кластер, ориентированный на марикультуру (а, возможно, также и на сельское хозяйство) то это будет означать возникновение на карте России новой точки качественно нового наукоемкого роста.

Добыча и переработка ископаемого топлива, сельское хозяйство, марикультура, а также организация транзита через Северный морской путь (см. ниже) – видимо, ключевые области сотрудничества России с азиатскими странами на территории Сибири и Дальнего Востока. Однако они далеко не единственные. Существуют, как отмечалось, значительные возможности развития лесопереработки, целлюлозно-бумажной, химической промышленности, возобновляемой энергетики и т.д. Существуют и более узкие сферы, в которых есть потенциал реализации единичных проектов с участием азиатских партнеров.

Так, например, Япония готова внедрять в России технологии экологически чистого сжигания мусора для решения проблемы нехватки мусорных полигонов в крупных городах. В первую очередь, сотрудничество ориентировано на реализацию проектов по строительству мусоросжигательных заводов в Москве, однако возможно расширение этой практики на крупные города Западной Сибири – Новосибирск, Омск и др.

Возможно привлечение китайских инвестиций для переноса в Россию (на условиях создания совместных предприятий) ряда энергоемких производств, в первую очередь, в цветной металлургии. Как отмечалось, есть великолепные возможности использовать сибирские территории и дешевую электроэнергию для предоставления крайне энергоемких услуг по хранению и переработке данных для китайских, американских, японских и корейских информационных компаний. Интерес к этой тематике имеется, но упирается пока в сложности получения соответствующих государственных гарантий безопасности хранимой информации.

Перечисленные сферы сотрудничества формируют впечатляющий список. Несколько десятков крупных и средних проектов, осуществленных в указанных областях на территории Сибири и Дальнего Востока вкупе с развитием ориентированной на экспорт транспортной инфраструктуры не только тесно интегрируют регион в хозяйственные связи в рамках АТР, но и дадут толчок его развитию, сравнимый лишь с тем, который дали крупные железнодорожные проекты конца XIX в.

4.3. Интересы зарубежных партнеров в отношении освоения российской Арктики

В 2013 г. сразу пять азиатских стран – Китай, Япония, Индия, Южная Корея и Сингапур – получили статус постоянного наблюдателя в Арктическом Совете. На первый взгляд, это кажется удивитель-

ным – ни одна из этих стран даже не имеет выхода к Северному Ледовитому океану, а такие государства, как Индия и Сингапур, расположены намного ближе к экватору, чем к полярному кругу. Тем не менее, устремление азиатских игроков в Арктику имеет вполне определенные экономико-политические обоснования, которые необходимо понимать для выстраивания с ними полноценного и взаимовыгодного сотрудничества. В России это понимание пока в основном отсутствует, и неудивительно, что наша страна весьма прохладно отнес-

китайские компании проводят интенсивную работу по освоению шельфа Гренландии.

Китай безусловно заинтересован в развитии Северного морского пути. По некоторым оценкам, к 2020–2025 гг. по этому маршруту может быть отгружено до 15% китайского экспорта. Скорее всего, данные оценки значительно завышены, однако серьезность намерений Китая в отношении развития транзитных возможностей региона не подлежит сомнению. Основными мотивами служит и возможная эконо-

Энергетическое, транзитное и дипломатическое направления китайского присутствия в Арктике являются значимыми для Китая лишь в долгосрочной перспективе

лась к появлению этих новых постоянных наблюдателей в Арктическом совете, хотя и не стала открыто ему противодействовать. Между тем, только сотрудничество со странами АТР может позволить России в полной мере использовать преимущества своего арктического положения.

Китай

Китай рассматривает Арктику в первую очередь как зону коммерческого интереса, особенно в сфере добычи полезных ископаемых. Китайская CNPC участвует в проекте «Ямал СПГ» (см. выше). Параллельно

и стремление решить проблему Малаккского пролива, зависимость Китая от которого (как в части импортных поставок топлива, так и в части экспорта промышленной продукции) слишком велика, особенно с учетом рисков перегруженности и проблем пиратства.

В долгосрочном плане одним из ключевых направлений деятельности Китая по развитию транзита является сотрудничество с Исландией – при условии развития полярной навигации из Рейкьявика может получиться порт мирового уровня.

С особой силой об усилении позиций Китая в Арктике заговорили в связи с получением им статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете. Оно далось Китаю нелегко – серьезным препятствием выступила Норвегия, в отношениях с которой у Китая случился настоящий дипломатический кризис в связи с тем, что в 2010 г.

Норвежский нобелевский комитет присудил Нобелевскую премию мира китайскому диссиденту Лю Сяобо.

Значимость изменения роли Китая в Арктическом совете, однако, не следует преувеличивать. Статус наблюдателя не дает Китаю никаких особых полномочий. Более того, он заставляет страну уважать суверенные права арктических государств и, таким образом, в определенном смысле наступить на горло собственной песне: в течение долгого времени Китай последовательно выступал за максимальную интернационализацию региона и уравнивание в правах арктических и неарктических государств. Теперь официальной задачей Китая внутри Арктического совета является попытка доводить до арктических государств собственную позицию по основным вопросам, а также содействовать тому, чтобы этот орган «стал более открытым, престижным и заслуживающим доверия».

Энергетическое, транзитное и дипломатическое направления китайского присутствия в Арктике являются значимыми для Китая лишь в долгосрочной перспективе. На настоящий момент Арктика не входит в число приоритетов внешней политики Китая. Единственная деятельность, которую это государство осуществляет в Арктике на систематической основе, – исследовательская. Китайская программа научных исследований – едва ли не самая развитая в мире. Она включает в себя и исследовательскую станцию на Шпицбергене, и исследовательский ледокол, и регулярные (раз в два года) комплексные аркти-

ческие экспедиции. Программа нацелена не только на геологические исследования, связанные, в том числе, с оценкой потенциала добычи ресурсов, но и на климатические. Китай постоянно подчеркивает необходимость изучения изменений климата в Арктике для оценки соответствующих тенденций в Китае, важных с точки зрения развития сельского хозяйства, обеспечения продовольственной безопасности, мониторинга и прогнозирования стихийных бедствий.

Япония

Япония раньше других азиатских стран – еще с 1980-х гг. – стала проявлять заинтересованность в участии в международных процессах в Арктике. Причем с тех пор и вплоть до настоящего времени основным объектом интереса неизменно выступает Северный морской путь. Именно Япония как наиболее близкая к нему азиатская страна в наибольшей степени заинтересована в его освоении. Маршрут из Йокогамы в Роттердам по Северному морскому пути почти на 3400 миль (или на 43%) короче, чем маршрут через Суэцкий канал.

Тем не менее, в настоящее время в Японии нет единой позиции в отношении Арктики. Политика японских властей в этом направлении достаточно пассивна. Их критики отмечают, что Япония слишком долго включалась в политические процессы в Арктике, вступив в Арктический совет в качестве постоянного наблюдателя одновременно с другими странами Азии, хотя могла бы сделать это намного раньше и получить

Южная Корея активно ведет исследования в Северном Ледовитом океане, она крайне заинтересована в экологически устойчивом освоении арктических территорий

стратегическое преимущество над соседями-конкурентами. Но и после смены статуса Япония не активизировала собственную политику в арктическом направлении. В частности, в принятой в декабре 2013 г. Национальной стратегии безопасности Японии Арктика не упоминается.

Ответить на вопрос, каковы арктические амбиции Японии, сможет национальная Арктическая стратегия, которая выйдет в свет в 2014 г. Скорее всего, Япония сосредоточится на вопросах климатических исследований (климатические условия в Арктике влияют на систему океанических течений, проходящих у берегов Японии, а потому являются важным объектом интереса) и защиты прав малых коренных народов Севера.

Республика Корея

Заинтересованность Южной Кореи в освоении Арктики тесно связана с Северным морским путем. Он рассматривается, во-первых, как возможный маршрут для энергетических поставок в страну и экспортных поставок из Кореи в Европу, а во-вторых, как область прямого интереса корейских судостроительных компаний.

В сентябре 2013 г. корейская судоходная компания Hyundai Glovis провела через Северный морской путь танкер с грузом нефти на борту из порта Усть-Луга. Экономия времени при проводке по сравнению с альтернативными маршрутами составила 13 дней, экономия на операционных издержках – 100 тыс. долл. Компания Hyundai Heavy Industries в 2011 г. начала тестирование нового судна ледового класса – крупнейшего в мире, разработанного специально для осуществления работ в Арктике.

Южная Корея активно ведет исследования в Северном Ледовитом океане. Они включают в себя исследовательскую станцию на Шпицбергене, исследовательский ледокол «Араон», масштабные высокотехнологичные исследования, проводимые Корейским институтом полярных исследований, Корейским морским институтом, Корейским институтом науки и технологий океана. В связи с тем, что одним из приоритетов долгосрочного развития страны является «зеленый экономический рост», Корея крайне заинтересована в экологически устойчивом освоении арктических территорий. Особым объектом ее интереса является изменение климата. Лучше всего этот интерес выразил посол Кореи в Норвегии, назвавший Арктику «барометром климатических изменений на планете».

Позиция Кореи в отношении управления арктическими территориями гораздо более

умеренная, чем у Китая. Корея не настаивает на равенстве прав арктических и неарктических государств, но желает быть уверенной, что режим, выстроенный арктическими государствами, позволит ей реализовывать свои интересы в атмосфере сотрудничества. Именно с этой целью Корея вступила в Арктический совет в качестве постоянного наблюдателя.

В целом корейские интересы в Арктике достаточно четко изложены в Арктической

Этим объясняется и получение Индией статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете, и возможное приобретение доли проекта «Ямал СПГ» консорциумом индийских компаний (см. выше), и даже строительство ледокола стоимостью 166 млн. долл. Нередко политическими мотивами объясняют и открытие индийской исследовательской станции на Шпицбергене, и максимальную среди всех стран исследовательскую активность в Арктике (с 2011 г. экспедиции организуются как минимум дважды в год).

Индия вступила в гонку с Китаем за контроль над энергетическими ресурсами в разных регионах мира, и движение в Арктику расценивается индийскими властями в том числе, как способ сдерживания конкурента

стратегии страны. Исследовательские задачи стоят на первом месте наравне с гуманитарными (обеспечение мира в регионе, экологическая устойчивость и защита прав малых коренных народов), в то время как экономические цели пока декларируются с осторожностью. Корея с удовольствием присоединится к освоению Северного морского пути, однако вряд ли будет инициатором этого процесса. Не позволяют сделать это как неопределенность в отношении будущего грузопотока, так и барьеры для иностранных инвестиций, существующие в России.

Индия

Индия – возможно, наиболее неожиданный участник движения азиатских стран в Арктику. Многие эксперты утверждают, что это единственный среди всех рассматриваемых стран пример того, что геополитические интересы преобладают над экономическими. Индия вступила в гонку с Китаем за контроль над энергетическими ресурсами в разных регионах мира, и движение в Арктику расценивается индийскими властями в том числе, как способ сдерживания конкурента.

В то же время, нельзя отрицать, что Индия действительно остро нуждается в диверсификации энергетических поставок, а также крайне заинтересована в исследованиях в области изменения климата – в его отношении Индия является одним из наиболее уязвимых государств мира.

Ярко выраженного плана проникновения в Арктику в Индии нет. Политический дискурс в отношении этого вопроса крайне разнороден. С одной стороны, раздаются голоса о необходимости интернационализации Арктики и даже об установлении международного режима, аналогичного антарктическому. С другой стороны, предлагается более активно участвовать в делах Арктического совета, пытаясь продвинуть свою позицию (в первую очередь по экологическим вопросам) в рамках действующего институционального режима. На настоящий момент можно утверждать, что действия Индии в Арктике имеют преимущественно реактивный характер и страна еще окончательно не определилась со своими арктическими амбициями.

Сингапур

Сингапур в отличие от Китая, Кореи и Японии, не получит очевидных выгод от переориентации части торговых потоков на Северный морской путь. Более того, теоретически новый маршрут мог бы ослабить позиции Сингапура, единолично контролирующего главный торговый маршрут современности – Малаккский пролив.

Озабоченность климатическими изменениями стала основным доводом Сингапура, обосновывающим необходимость его участия в Арктическом совете

Но в руководящих кругах Сингапура считают, что такие опасения необоснованны. Северный морской путь даже при самом оптимистичном сценарии не способен пропустить количество судов, которое было бы сколь-либо чувствительно для Малаккского пролива. Более того, СМП в ближайшем будущем сможет специализироваться исключительно на балкерных перевозках, в то время как Сингапур обслуживает преимущественно контейнеровозы. Развитие северного маршрута не только не представляет какой-либо опасности позициям Сингапура, но и при определенных обстоятельствах может быть полезным для него, так как позволит, хотя и незначительно, разгрузить Малаккский пролив. Имея в наиболее узком месте лишь 1,7 км в ширину, он уже перестает справляться с растущим потоком судов, и решения этой проблемы пока не видно.

Потенциально Арктика может стать для Сингапура и одним из источников поставок нефти, как для внутреннего потребления, так и – главное – для нефтепереработки, составляющей одну из основ экономики страны. Наконец, в случае начала интенсивного освоения Северного морского пути Сингапур имеет твердые намере-

ния участвовать в развитии его инфраструктуры. Опыт планирования и создания портовой и навигационной инфраструктуры и управления морскими процессами позволяет Сингапуру выступать одним из потенциально ключевых участников обустройства маршрута. Он вполне способен поставлять и суда, пригодные для работы в Арктике.

Среди других конкурентных преимуществ Сингапура можно обозначить опыт самого эффективного в мире управления людскими ресурсами (включая иммиграционные потоки) при осуществлении инфраструктурных проектов, а также способность выступать в качестве арбитра при решении любых споров – Сингапур является едва ли не единственным (не считая Россию) государством в АТР, имеющим равные отношения со всеми другими странами региона. Подобную роль Сингапур потенциально может выполнять и в Арктическом совете, выступая своего рода буфером между другими азиатскими государствами.

Как и другие азиатские страны, Сингапур уделяет пристальное внимание климатическим исследованиям в Арктике. Сингапур в силу островного и тропического положения особенно уязвим перед лицом подъема уровня Мирового океана. И если для большинства других стран изменение климата – это вопрос экономического ущерба, то для Сингапура – вопрос сохранения самой страны в ее настоящем виде. Именно озабочен-

ность климатическими изменениями стала основным доводом Сингапура, обосновывающим необходимость его участия в Арктическом совете. В ближайшие годы следует ожидать интенсификации арктических исследовательских программ Сингапура.

Норвегия

В отличие от большинства азиатских стран Норвегия уже давно имеет в Арктике вполне очевидные интересы, связанные с добычей полезных ископаемых, с рыбным промыслом, с ведением исследований и осуществлением транзита. Однако реальный интерес к российскому сектору возник лишь в последние годы.

В Северной стратегии Норвегии одна из ключевых идей – усиление норвежского присутствия на азиатских рынках посредством использования преимуществ СМП

Компания Statoil является мировым лидером по развитию технологий добычи нефти в Арктике. Россия может предоставить ей обширные возможности приложения этого конкурентного преимущества. Statoil входила в консорциум компаний-партнеров «Газпрома» по освоению Штокмановского месторождения, но в результате, как и другие зарубежные участники, выбыла из проекта. Успешнее для норвежской

компании может стать сотрудничество с «Роснефтью». В 2012 г. с ней подписано соглашение о создании совместного предприятия для освоения четырех арктических месторождений: одного в Баренцевом и трех в Охотском морях. Доля норвежцев в этом предприятии должна составить 33,33%.

Норвегия является одной из сторон, наиболее заинтересованных в освоении Северного морского пути. Первым иностранным коммерческим партнером, допущенным на СМП, стала именно норвежская компания, осуществившая поставку железной руды в Китай на датском судне Nordic Varents.

Интерес Норвегии логичен. Маршрут может преобразить ее геополитическое положение, фактически закрепив за страной контроль над выходом в Азию из Северной Европы. Кроме того, для компании Statoil СМП открывает новые возможности для работы на шельфе и экспорта продукции в Азию. В Северной

стратегии Норвегии одна из ключевых идей – усиление норвежского присутствия на азиатских рынках посредством использования преимуществ СМП. Важным мотивом для норвежской стороны является стремление «протокнуть» новые виды российских энергоносителей (в первую очередь, СПГ) на восток или другими способами ограничить конкуренцию своим энергетическим поставкам в Европу.

4.4. Барьеры для международного сотрудничества по развитию Сибири и Дальнего Востока

Для того чтобы сделать Сибирь и Дальний Восток регионом, открытым для иностранных инвестиций, и добиться его процветания за счет интеграции в АТР, есть несколько препятствий.

Во-первых, идея превратить регион в поле международного сотрудничества по-прежнему остается непонятной и непопулярной для российского общества и части элиты. Главное в их глазах – предохранить восток России от китайской угрозы, а рецептом для этого видится закры-

Идея превратить Сибирь и Дальний Восток в поле международного сотрудничества остается непонятной и непопулярной для российского общества и части элиты

тость. Открытие границ представляется как прямой путь к наводнению восточных регионов России китайцами, а затем и к выходу региона из-под контроля Москвы де-факто, а, возможно, и де-юре.

Синофобию в российском обществе не могут смягчить многочисленные факты, свидетельствующие о том, что китайская угроза преувеличена. Ликвидировать синофобию сложно. Возможно, проще объяснить, что открытие региона для международного сотрудничества направлено как раз на ослабление «китайской угрозы», даже если бы она была. Конкуренция между инвесторами различных стран повысит открытость региона, исключит доминирование одной внешней силы.

Во-вторых, крайне слабо ориентировано на страны АТР не только население, но и российский бизнес, в том числе сибирский и дальневосточный. Будучи, как правило, неспособным использовать преимущества азиатского роста самостоятельно, он зача-

стую воспринимает весьма болезненно и приход иностранных инвесторов, видя в нем едва ли не иностранную экспансию. Часть местного бизнеса (да и госструктур), привыкло к диким условиям его ведения, а иногда и паразитирует на них. Необходимо встраивание местного бизнеса в создаваемые иностранцами производственные цепочки, налаживание координации с целью реализации совместных проектов, а также обеспечение честной конкуренции. Решением этих задач должны заниматься специальные государственные институты (см. ниже).

В-третьих, препятствием для развития Сибири и особенно Дальнего Востока является нехватка рабочей силы. В первую очередь это касается проектов по развитию инфраструктуры и в сельском хозяйстве. На Дальнем Востоке проживают 6,3 млн. человек: с учетом разбросанности населения для интенсивного развития региона этого не хватит даже при достаточно высоком уровне безработицы. Относительно многочисленное и высококвалифицированное население Западной Сибири расположено далеко от мест реализации большинства предлагаемых проектов. Придется привлекать рабочую силу из-за рубежа.

Оценки потребности в импорте рабочей силы разнятся, оцениваемый минимум составляет около 1 млн. человек. Летом в первые годы реализации больших проектов, когда требуются большие трудозатраты на строительство инфраструктуры, потребность в рабочих из-за рубежа может быть и в несколько раз выше.

Потенциальные источники импорта рабочей силы разнообразны. Наиболее простой вариант – наем рабочих из Китая – едва ли подходит, так как приведет к реальной, а не мнимой китаизации Сибири и Дальнего Востока, а до того – к сопротивлению значительной части российского общества. Очевидной альтернативой является завоз рабочих из Средней Азии. Этот вариант более привлекателен, но,

по-видимому, не оптимален. Во-первых, среднеазиатские рабочие в среднем отличаются более низкой квалификацией, чем даже китайские. Во-вторых, такое решение проблемы нехватки кадров также будет негативно воспринято российской общественностью, даже несмотря на то, что частично позволит переориентировать проблемные миграционные потоки из центра России. В-третьих, среднеазиатские рабочие в массе своей будут оставаться в России, а не возвращаться на родину, что приведет к множеству проблем, связанных с их ассимиляцией.

Значимым препятствием освоению Сибири и Дальнего Востока является недостаток транспортной инфраструктуры

На первый взгляд экзотичной, но на деле реалистичной является возможность привлекать в Россию рабочую силу из стран Южной Азии, в первую очередь, из Индии и Бангладеш. Эти перенаселенные страны испытывают огромный интерес к организации потока рабочей миграции в Россию. Индийские граждане уже работают в российском сельском хозяйстве в нескольких регионах европейской части России. В отношении работы в ее азиатской части сильным отпугивающим фактором пока является холодный климат. Однако этот миф может быть развенчан: климат юга Сибири и Дальнего Востока ненамного суровее климата Центральной России. Кроме того, холодный климат совершенно не препятствует индийской сельскохозяйственной эмиграции в Канаду, где условия ведения хозяйственной деятельности (в том числе, сельского хозяйства) в целом сравнимы с сибирскими и дальневосточными. Примерно аналогичны возможности привлечения эмигрантов из Юго-Восточной Азии – например, Вьетнама и Филиппин.

Наконец, еще одним и, возможно, самым перспективным источником рабочей силы для Тихоокеанской России может стать

КНДР. Страна с численностью населения 24,5 млн. человек имеет крайне мало эффективных рабочих мест. Открытие Северной Кореи внешнему миру привлечет за собой массовую эмиграцию рабочей силы. Значительная часть может быть направлена в Россию, что является выгодным для всех прочих стран АТР (и прежде всего, Южной Кореи), не имеющих лишних рабочих мест для размещения у себя северокорейских мигрантов. Для России же относительно высококвалифицированная, очень дисциплинированная и способная относительно качественно работать в строительном секторе и сельском хозяйстве рабочая сила из Северной Кореи вполне способна решить проблему дефицита рабочих рук без существенных побочных эффектов, сопровождающих массовую иммиграцию из Китая или даже Средней Азии.

Главным препятствием для привлечения рабочей силы из КНДР является закрытость этой страны. Ключевое значение в этой связи имеет дальнейший ход разрешения корейской проблемы. Учитывая глубину гуманитарного бедствия в Северной Корее, большинство специалистов склоняются к выводу, что развязка корейского конфликта (даже начало движения к объединению двух Корей) может произойти уже в ближайшее десятилетие. Объединение Корей или, по крайней мере, частичное открытие миру КНДР существенным образом перекроит систему международных отношений в регионе. Однако все страны АТР окажутся в выигрыше от такого развития событий лишь в одном случае – если потенциал населения Северной Кореи будет направлен в конструктивное русло развития Сибири и Дальнего Востока.

Однозначный выбор в пользу того или иного источника миграционных потоков заранее сделать невозможно. Рабочую силу надо привлекать под конкретные проекты, от этого зависят и условия привлечения. Тем не менее, возможности надо продумывать уже сейчас. При этом может и должен быть использован опыт стран Персидского залива и, особенно, Сингапура, эффектив-

но организующих прием большого количества временных мигрантов без каких-либо существенных побочных эффектов.

В-четвертых, значимым препятствием освоению Сибири и Дальнего Востока является недостаток транспортной инфраструктуры. Его можно преодолеть посредством государственных инвестиций в ключевые транспортные проекты (см. ниже). Инфраструктуру на местах можно развивать силами региональных или федеральных властей совместно с иностранным и российским частным инвестором под конкретный проект.

В-пятых, важнейшую группу составляют институциональные барьеры. Они крайне разнообразны: это и недружественная для иностранных инвесторов законодательная база (содержащая, среди прочего, прямой запрет на владение контрольным пакетом акций иностранцами во многих отраслях сырьевого сектора), и чрезмерный уровень государственного регулирования (особенно в инфраструктурной сфере, куда частный сектор почти не допускается), и бюрократизация (к примеру, чтобы получить от Администрации Северного морского пути разрешение на проход по маршру-

ту, необходимо подать заявку как минимум за пятнадцать дней до захода судна в акваторию. Для сравнения, для прохода по Суэцкому каналу заявку необходимо подать не менее чем за 48 часов).

Наиболее серьезный из институциональных барьеров – недостаточная защищенность инвесторов. Особенно болезненно воспринимают эту проблему японцы, помнящие пример проекта «Сахалин-2». Проблема защиты частной собственности выходит за границы Сибири и Дальнего Востока и актуальна для всей страны. Кардинальным образом решить ее на территории отдельно взятого региона невозможно. В некоторых случаях целесообразно подписание специальных соглашений на межправительственном уровне, дающих иностранным инвесторам дополнительные государственные гарантии. Тем не менее, основной стратегией должно стать создание таких условий для инвестирования, выгодность которых будет компенсировать инвесторам относительно высокий риск. Для этого необходимо, во-первых, общее улучшение инвестиционного климата и институциональной среды, а во-вторых – применение механизма особых экономических зон (см. ниже).

5. К новой стратегии развития Сибири и Дальнего Востока

5.1. Философия развития региона

России необходима новая стратегия развития Сибири и Дальнего Востока. Она не должна повторять ошибок предыдущей: искусственного дробления исторически, культурно и даже экономически консолидированного региона на отдельные части; ориентации на политически обусловленные, но экономически неоправданные инфраструктурные мегапроекты; опоры на патернализм как основу отношений региона и федерального центра; оторванности от потребностей внешнего мира. Новая стратегия должна учитывать особенности политико-экономических процессов, протекающих в АТР, опираться на понимание реальных угроз и возможностей развития региона, быть нацеленной на использование международного сотрудничества и устранение барьеров, препятствующих ему. Но главное – в основе новой стратегии должна лежать новая философия. Философия развития региона, а не его дотаци-

онной поддержки. Философия его интеграции в тихоокеанский регион, а не удержания под контрпродуктивным контролем. Тем более что только такая интеграция и может обеспечить реальный российский суверенитет и развитие.

Экономический рост в России критически замедлился – по итогам 2013 г. он составил лишь 1,4%. Прежняя модель развития, основанная на использовании нефтяной ренты и ускоренном развитии столицы, со всей страны всасывающей в себя интеллектуальные, финансовые и трудовые ресурсы, исчерпана. Российской экономике требуется новый импульс. Придать его может лишь присоединение к азиатскому локомотиву роста. Сибирь и Дальний Восток должны стать российским окном в растущую Азию и источником роста всей России и перестать восприниматься как колония, обслуживающая интересы или требующая дотаций метрополии. Больше того, следует четко осознавать, что стратегия российского

поворота на Восток возможна только через интеграцию регионов Сибири и Дальнего Востока в мировую экономику.

Необходимо уходить и от взгляда на эти регионы с преимущественно оборонных позиций. Восток России – это не тыл в противостоянии с Западом и не «подушка безопасности» от азиатской или американской угрозы. Надо отбросить и ложные угрозы, связанные с возможностью сибирского сепаратизма. В отдаленной перспективе он,

Сибирь и Дальний Восток должны стать новым российским «большим проектом». Можно по-разному относиться к такой риторике, но нельзя не признавать, что любовь к размаху, к масштабным свершениям – в нашем национальном характере.

Именно подобные проекты формировали основные этапы развития российской территории еще с доимперских времен: в XVII в. был осуществлен государственный проект по освоению Урала, в XVIII в. построена новая столица и создан

российский флот, в XIX в. под лозунгом «К Великому океану» построен Транссиб, а в начале XX в. организованы столыпинские переселения в Сибирь. Последние два свершения дали мощнейший толчок к развитию территорий к востоку от Урала. А уже начиная с советского времени страна непрерывно развивалась от одного подвига к другому – от суперстроек времен индустриализации, через поднятие целины и покорение космоса, до восстановления Храма Христа Спасителя. Не следует забывать идейный порыв первооткрывателей Сибири или строителей Транссиба. Надо возрождать его и использовать сильные стороны российской идентичности.

Предлагаемые сейчас в качестве больших проектов Олимпиада и чемпионат мира по футболу – не лучшие кандидаты на эту роль. Это всего лишь шоу, ни о каком подвиге речи не идет. Различные инфраструк-

В основе новой стратегии развития Сибири и Дальнего Востока должна лежать новая философия развития региона, а не его дотационной поддержки

если и возможен, то только при сохранении «колониального» отношения к Сибири со стороны центра.

Целью новой стратегии развития Сибири и Дальнего Востока должно быть использование возможностей региона стать центром экономического роста и драйвером развития страны. Это не периферия. Это регион возможностей, а не обуза. Сибирь и Дальний Восток – исконная и неотъемлемая часть России, воспринимающая и себя таковой. В настоящий момент от будущего этой части ключевым образом зависит и будущее всей страны.

турные проекты (железная дорога Москва-Казань, мост на Сахалин и др.) слишком локальны и, как правило, экономически необоснованны.

Развитие Сибири и Дальнего Востока – принципиально более масштабная задача. Новое освоение бескрайних территорий, лежащих к востоку от Урала, – это даже не мега-, а метапроект. С символично-философских позиций развитие восточных территорий – ключевой шаг к выполнению Россией миссии моста между Европой и Азией, с которой Россия себя давно ассоциирует, но которую на практике не выполняет.

Восток России – это не тыл в противостоянии с Западом и не «подушка безопасности» от азиатской или американской угрозы

Приверженность к большим проектам со стороны населения подтверждается социологическими опросами. По данным ВЦИОМ за 2012 г., жители европейской части России не видят в Сибири и Дальнем Востоке какого-либо потенциала, в списке регионов России ставя их на последнее место. Однако в случае, если в регионе начнется масштабный проект типа БАМа, треть готова будет перебраться на восток (и лишь 20% из них – при специальных условиях: повышении зарплаты, получении возможности покупки жилья и т.д.)⁶⁰.

В то же время развитие Сибири и Дальнего Востока – это не просто демонстрация российского размаха, призванная заполнить идейный вакуум, образовавшийся в стране. Это насущная необходимость, едва ли не единственная для России возможность полноценного участия в глобальных экономических процессах в качестве ведущего игрока. С этой точки зрения, развитие Сибири и Дальнего Востока – это задача не только романтическая, но и прагматическая.

России нужна мода на Сибирь и Дальний Восток. Это понятие должно включать в себя и создание бренда региона, и символизацию его важнейших достопримечательностей (в первую очередь, природных – Байкала, Алтай, гейзеров Камчатки, Ленских столбов и т.д.), и моду на туризм, но главное – моду на подъем региона и на людей, его осуществляющих. Новое освоение Сибири и Дальнего Востока должно стать российским национальным спортом. В основе которого, с одной стороны, азарт, с другой – гордость за страну. Должно добавиться и третье ощущение – понимание того, что каждый конкретный человек может участвовать в строительстве будущего своей страны, и не утопическое (коммунизм уже строили), а вполне реальное. В этом смысле участие в развитии Сибири и Дальнего Востока – это нечто гораздо более вдохновляющее, чем волонтерство в Сочи.

Необходимым условием успеха является смена приоритетов развития восточных территорий. Идеология ресурсного

освоения, граничащего с колониальной эксплуатацией, должна быть замещена идеологией развития человеческого капитала. При создании соответствующих условий главными двигателями развития региона должны стать сами жители Сибири и Дальнего Востока, а не государство. Безусловно, государство должно сделать первый шаг, но этот шаг должен быть направлен на поощрение инициативы и развитие в регионе частного бизнеса. После этого доминирующая роль государства в развитии территорий перестанет быть необходимым.

5.2. К новой структуре управления Сибирью и Дальним Востоком

Сочетание природно-ресурсных богатств и относительно качественного человеческого капитала в совокупности с благоприятной внешней конъюнктурой (азиатским ростом, создающим условия для использования конкурентных преимуществ Сибири и Дальнего Востока) открывает перед регионом возможности, которых у него

никогда не было. Задача состоит в том, чтобы грамотно и вовремя их использовать. Но управлять регионом для этого надо по-другому.

России нужна мода на Сибирь и Дальний Восток

Новая структура управления должна базироваться на четком понимании его дифференциации. Сибирь и Дальний Восток, несмотря на историческую общность, крайне разнородны. Одни регионы концентрируют качественный человеческий капитал (например, юг Западной Сибири); другие обладают условиями, благоприятными для сельского хозяйства (например, Алтайский край или Амурская область); третьи содержат огромные запасы неосвоенных пока энергетических и минеральных ресурсов (Восточная Сибирь); четвертые обладают стратегически значимым географическим положением (регионы на побережье Тихого океана и вдоль Северного морского пути); наконец, пятые лишены каких-либо очевидных преимуществ.

Сибирь и Дальний Восток не являются единым геополитическим пространством. Западная Сибирь в значительной степени ориентирована на европейскую часть России, юг Восточной Сибири и Забайкалья – на Китай, приморские регионы – на Японию, северные территории вообще осво-

ны отдельными очагами. Единый подход к управлению различными территориями бесперспективен.

Так же бесперспективна идея социально-экономического развития всей территории востока России. Она утопична, ведёт к распылению сил и средств и экономически нецелесообразна. Следует сделать выбор в пользу принципиально новой пространственно-географической модели развития Сибири и Дальнего Востока, основанной на выделении нескольких поясов (зон), нацеленных на решение стратегических задач. В зависимости от типа этих задач такие зоны следует разделить на два типа: зоны экономического роста и зоны геополитической стабильности. Границы зон должны совпадать с границами административных районов или субъектов федерации для того, чтобы использовать при управлении зонами сложившиеся государственные структуры, а не возводить новые.

Экономический пояс должен охватывать регионы, обладающие наибольшим потенциалом экономического развития. Приморский и Хабаровский края должны стать площадкой для переработки природных ресурсов и создания на этой основе мощных промышленных и сервисных кластеров в основных логистических узлах. В междуречье Амура и Зеи в Амурской области, а также в Даурских степях юга Бурятии и Читинской области целесообразно создание сельскохозяйственного пояса, ори-

ентированного на использование агроклиматических ресурсов региона. Еще одна особая сельскохозяйственная зона должна быть создана в Алтайском крае, где уже развиты и растениеводство, и животноводство, но мощным сдерживающим фактором выступает отсутствие доступа к рынкам сбыта. В Сибири вдоль Транссиба должна появиться серия промышленных зон вокруг крупных городов: Красноярска, Томска, Омска, Новосибирска. Целью является создание ориентированных на удовлетворение потребностей сырьевых отрас-

к энергетической и транспортной инфраструктуре. В какой-то степени эта схема копирует опыт особых экономических зон Китая, ставших одним из двигателей экономического развития страны в последние десятилетия.

Особые геополитические зоны должны находиться в районах, не имеющих потенциала значительного экономического развития, однако важных с точки зрения реализации геостратегических целей страны. Это опорные пункты на побережье Тихого океана (Магадан, Анадырь,

Находка, Петропавловск-Камчатский), вдоль Северного морского пути (Провидения, Певек, Тикси, Диксон, Дудинка) и вдоль судоходных рек (Игарка, Жиганск). Цель создания таких зон состоит в том, чтобы прекратить отток населения из стратегически важных населенных пунктов, а также привлечь высококлассных специалистов (в первую оче-

редь, инженеров и техников) для выполнения задач по поддержанию инфраструктуры. Как следствие, в геополитическом поясе главной задачей государства должно выступать развитие социальной инфраструктуры и создание специальных условий для людей необходимых профессий и квалификации.

Необходимо обеспечение в регионе максимально конкурентной среды в отношении доступа к природным ресурсам. К освоению энергетических богатств должны быть допущены малые компании, а также иностранные корпорации – на базе концессий. Задача государства – лишь распределять лицензии на основе анализа эффективности, а также осуществлять экологический контроль, не превращая его в инструмент давления, применяемый в зависимости от частных интересов.

В решении демографической проблемы следует прекратить настойчивые, безуспешные и растратные попытки организовать массовое переселение «соотечественников» на Восток. Не стоит этого делать и в отношении особых зон. Единственным

Для развития Сибири и Дальнего Востока нужны не миллионы русскоговорящих новопоселенцев, а создание условий для достойной жизни тех граждан России, для которых эта земля является малой родиной

лей наукоемких производств – от современного оборудования для нефтедобычи до биотехнологий для сельского хозяйства. Научную базу для развития таких производств должны предоставить наукограды Сибири – как действующие (Бийск, Кольцово), так и новые – а также ведущие университеты. Их развитие в регионе должно быть ключевой задачей, приоритетной даже по сравнению с развитием московских и петербургских вузов.

В особых экономических поясах необходимо установление льготного налогового режима (например, освобождение от части налога на прибыль – с дальнейшим возмещением регионам недополученных налоговых доходов из федерального бюджета), а также сверхльготного режима для компаний, представляющих профильные для этой зоны отрасли (например, освобождение от всех налогов на определенный срок (5 лет для промышленных предприятий, 10 – для инновационных, 2 года – для сельскохозяйственных производителей). Кроме того, в экономических зонах последовательно должны устраняться все барьеры, связанные с подключением

исключением может стать содействие переселению в сельскохозяйственный пояс посредством бесплатного предоставления земель при условии их обработки и застройки (без права продажи или аренды), дополненного льготным кредитованием на строительство жилья и приобретение основного капитала. Стоимость этих мер относительно невысока (земли все равно не используются), а результат может быть существенен. Однако он будет касаться жителей не столько европейской части России, сколько северных районов Сибири и Дальнего Востока, для которых будет создана возможность перебраться в места с большей концентрацией населения.

Для развития Сибири и Дальнего Востока нужны не миллионы русскоговорящих новопоселенцев, а создание условий для достойной жизни тех граждан России, для которых эта земля является малой родиной. Главной задачей должно стать удержание местного населения и создание социальных условий для привлечения креативных и высокопроизводительных трудовых ресурсов, а также еще только ищущей свое место в жизни молодежи, причем не только российской.

Для этого необходимо создать условия для роста продолжительности жизни в регионе и повышения ее качества, содействовать выработке у жителей региона жизненных стратегий, связанных с Дальним Востоком, сформировать стабильную группу населения со средним достатком (в соответствии с установившимися нормами, стандартами и ценностями), гармонизировать обще-

ственные отношения, обеспечить ощущение пребывания людей в едином социально-культурном пространстве России. Бурное развитие особых экономических зон и поддержание геополитических автоматически решат большинство из этих задач.

Безусловно, для налаживания системы особых зон необходима какая-то организационная структура. Министерство, даже при условии расширения его сферы ответственности (с Дальнего Востока на Сибирь и Дальний Восток) с этой задачей справиться, видимо, не сможет. Вызывает вопросы и концепция создания Государственной корпорации по развитию Сибири и Дальнего Востока. Госкомпании, как правило, не очень эффективны. Так было и в царские времена, так остается и сейчас. Сибирь осваивалась преимущественно частными усилиями. Возможно, есть смысл в создании специального независимого от Правительства и подчиненного напрямую Президенту государственного агентства развития Сибири и Дальнего Востока, организующего работу зон, а также распределяющего лицензии и концессии на добычу природных ресурсов. При этом именно слово «государственное агентство», а не «государственная корпорация» отражает смысл данной структуры. Ее задачи – посреднические, базирующиеся на выработанной стратегии, но не на собственном интересе (корпорация по определению имеет собственный экономический интерес).

Со временем, после запуска механизма особых зон функции государственного агентства можно будет постепенно передавать

регионам. Однако для этого необходимо обеспечение их необходимым объемом финансовых ресурсов. В рамках существующей налоговой системы осуществить такой маневр невозможно. Единственное доступное сейчас средство налоговой децентрализации – передача регионам всех поступлений от налога на прибыль (сейчас 18% из 20% налога на прибыль зачисляются в региональные бюджеты, а оставшиеся 2% идут в федеральный бюджет), однако эта мера, хотя и является необходимой, будет иметь лишь незначительный эффект. В долгосрочной перспективе необходимо построение устойчивой системы перераспределения налоговых доходов (в первую очередь, от НДС) таким образом, чтобы обеспечить заинтересованность в сборе налогов в регионах-лидерах и одновременно избежать чрезмерной дивергенции регионов с точки зрения бюджетной обеспеченности. В западноевропейских странах (Великобритания, Германия) опыт построения подобных систем имеется, однако это весьма сложная работа, которая может растянуться на десятилетия, особенно с учетом того, что многие расходы бюджета сейчас проавансированы на много лет вперед. В краткосрочной же перспективе целью может стать создание стимулов (переходящих со временем в обязанность) для регистрации компаний по месту расположения основных мощностей. Это позволит вернуть в Сибирь часть налоговых поступлений, генерируемых за счет ее ресурсов, но поступающих в московский бюджет.

Другой необходимой мерой является перенос части столичных функций в города

Сибири и Дальнего Востока. Министерство природных ресурсов, как и центральные офисы крупнейших компаний ресурсного сектора, должно базироваться в Сибири (например, в Красноярске), Министерство транспорта – на Дальнем Востоке. Необходимо также завершение работы по переносу Министерства по развитию Дальнего Востока, если оно сохранится, в его профильный регион. Еще более радикальный, но очень привлекательный вариант – создание на Тихом океане третьей столицы – с расположением нескольких министерств именно там. Повторим нашу идею из предыдущего доклада: если бы Петр I жил бы в современной России, он построил бы новую столицу не в устье Невы, а в районе Владивостока. Место Петра, Меншикова и их соратников в современной российской истории все еще пусто.

Распределение государственных ведомств по разным городам не совсем практично. Но этот шаг имеет важнейшее символическое значение, выходящее далеко за рамки привлечения дополнительного внимания к городу или региону. Министерство, работающее в Красноярске, Владивостоке или Хабаровске, – это знак жителям соответствующих регионов и особенно молодежи, что не все решения принимаются в Москве. Это возвращение им чувства сопричастности к стране, которое в условиях инфраструктурной оторванности и низкой мобильности населения является лучшим средством против отчуждения и фатализма.

Что касается переноса в Сибирь офисов крупных компаний ресурсного сектора,

то это несет не только функцию налогового перераспределения, но и демонстрирует, что, даже оставаясь на малой родине, теперь можно делать успешную карьеру. За министерствами и офисами компаний в регион может потянуться и амбициозная молодежь из центра страны и из-за рубежа.

5.3. Транспортный каркас Сибири и Дальнего Востока

Кроме поддержания и развития институциональной и социальной инфраструктуры в регионе, в первую очередь в рамках особых зон, важнейшей задачей государства является поддержание и развитие транспортной инфраструктуры в той ее части, которая не может быть обеспечена частным бизнесом. Государство за счет средств федерального бюджета или в рамках государственно-частного партнерства должно резко нарастить транспортный каркас региона. Это позволит сжать экономическое расстояние и решить проблему изолированности восточных территорий, в первую очередь тех, где проживает большая часть населения.

Такой каркас формируют Транссибирская магистраль, необходимые уже в ближайшем будущем скоростные железные дороги юга Западной Сибири и Приморья, порты Тихоокеанского побережья, сеть авиационного сообщения, Северный морской путь и судоходные реки меридионального направления.

Транссиб остается главной региональной осью, вдоль которой сосредоточена вся

основная экономическая активность Сибири и Дальнего Востока. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» предполагает уже в ближайшие годы начало реконструкции Транссиба, нацеленной на развязывание узких мест и расширение пропускной способности. Часто в связи с этим обсуждаются возможности увеличения транзита. По расчетам РЖД, в частности, его планируется нарастить втрое, что декларируется как возможность получения существенных экономических выгод. Такое целеполагание, видимо, ошибочно и уводит в сторону от действительно значимых целей.

В настоящее время Транссиб отвечает менее чем за 1% евроазиатской торговли⁶¹. Существенно увеличить эту долю едва ли реально с учетом того, что Китай в настоящее время прокладывает альтернативный маршрут в Европу («Новый Великий шелковый путь») в обход России, а сама Россия стремится развивать Северный морской путь.

Модернизация Транссиба необходима не столько для роста транзита, сколько для преодоления главного сибирского проклятья – самой сильной в мире континентальности. Юг Сибири, который благодаря наличию природных ресурсов и созданию грамотной институциональной инфраструктуры в виде экономических зон имеет все возможности превратиться в мощный индустриально-аграрный регион, лишен выхода на мировые рынки. Самые большие проблемы для развития сельского

хозяйства на Алтае – это также трудности с экспортом. В связи с этим главная цель Транссиба – не транзитная, а экспортная. И именно на эту цель и должна быть ориентирована его модернизация. Нет острой необходимости соединять Транссиб с железнодорожными артериями Китая и Кореи (стыковка с КВЖД, строительство транскорейской железной дороги – все это возможно и целесообразно, но лишь при соответствующем интересе и инициативе частных инвесторов), зато есть острая необходимость обеспечения возможностей вывоза российских грузов в разные порты на побережье Тихого океана. А вместе с этим необходима модернизация и самих портов, инфраструктура которых в настоящее время не готова к росту экспорта.

Транссиб остается главной региональной осью, вдоль которой сосредоточена вся основная экономическая активность Сибири и Дальнего Востока

Модернизация Транссиба может и должна быть дополнена сетью скоростных железных дорог между крупнейшими городами Западной Сибири. Предлагаемая сегодня РЖД схема развития скоростного железнодорожного транспорта удивительным образом обрывается на Челябинске⁶². По неизвестной причине считается, что объединить скоростной железной дорогой Саранск с Ульяновском важнее, чем Томск и Барнаул с Новосибирском. Между тем, создание сети скоростных железных дорог на юге Западной Сибири (с возможным выходом на Красноярск) даст мощный толчок развитию региона и использованию возможностей его человеческого и производственного капитала.

Другая задача в этой сфере – это строительство высокоскоростных железных дорог между Хабаровском и Владивостоком. Готовность к инвестициям в этот проект демонстрируют южнокорейские компании, однако все тормозится и здесь.

Отчасти – из-за советской зашоренности во всем видеть образ врага («лучше не развивать стратегический приграничный регион вообще, чем пускать туда иностранцев»), отчасти – из-за ставших привычными «откатных» схем и попыток их экстраполировать на взаимодействие с международным бизнесом.

Другой возможный проект – создание единой транспортной инфраструктуры для крупных месторождений редкоземельных металлов юго-востока Забайкальского края (Чинейское, Нойон-Тологойское, Удоканское) и северо-запада Якутии (Томторское), а также Попигайского месторождения импактных алмазов. Объединение этих месторождений с городами юга Сибири позволит стимулировать развитие в них центров высокотехнологичной переработки соответствующего сырья.

Транссиб с прилегающими к нему скоростными железными дорогами формирует южную широкую транспортную ось региона. Основные функции этой оси – стянуть сибирские пространства и пре-

одолеть чувство оторванности жителей региона от остальной страны; предоставить дополнительные возможности для развития человеческого капитала региона, повысить конкурентоспособность ведущейся здесь хозяйственной деятельности и обеспечить выход на экспортные рынки через порты Тихоокеанского побережья.

В значимых населенных пунктах (в том числе, вахтовых), не охваченных каркасом железных дорог, необходимо развивать авиационное сообщение. Сейчас по всей России аэропортов в два раза меньше, чем в одной Аляске. Государство не стремится развивать данную сферу, но не допускает в нее и частный бизнес. Между тем, строительство малых аэропортов и обслуживание авиационных маршрутов внутри- и межрегионального сообщения может быть коммерчески привлекательно⁶³, но для этого государство должно снять регуляторные барьеры, стоящие перед частным (в том числе и иностранным)

Транссибирская магистраль

Транссибирская железнодорожная магистраль (Транссиб) – самая длинная в мире железная дорога через Евразию, соединяющая Москву и крупнейшие восточносибирские и дальневосточные промышленные города России

В регионах, обслуживаемых магистралью:

сосредоточено более 80% промышленного потенциала страны

добывается более 65% производимого в России угля

выпускается 25% деловой древесины

осуществляется почти 20% нефтепереработки

Характеристика магистрали

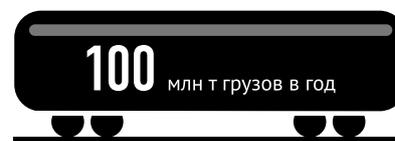
Длина: фактическая – **9 288,2** км

тарифная – **9 298** км (условная характеристика, применяемая для расчета стоимости билетов)

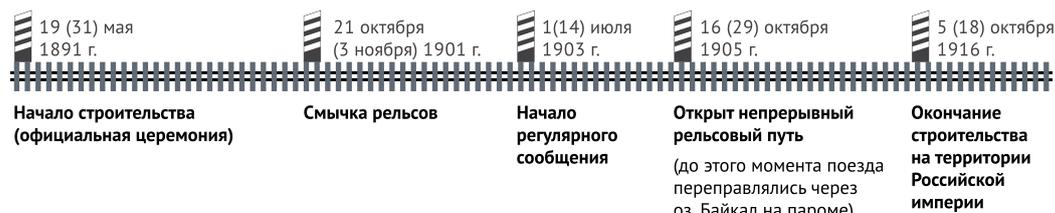
Начальный пункт: **Москва, Ярославский вокзал**

Конечный пункт: **Владивосток**

Пропускная способность

Основные вехи строительства

бизнесом, ограничив свое вмешательство в рыночные механизмы лишь контролем безопасности. Сибирь и Дальний Восток не могут быть покрыты густой сетью железных дорог, а в условиях относительно малых пассажиропотоков на большие расстояния у развития авиации нет достойных альтернатив.

5.4. Северный морской путь как сердце российской Арктики

Вторая – северная – широтная ось должна быть направлена на обеспечение гибкости выхода на внешние рынки посредством предоставления возможностей и европейской, и азиатской ориентации экспортных

Вторая – северная – широтная ось должна быть направлена на выполнение Россией роли моста между Европой и Азией

потоков; на выполнение Россией роли моста между Европой и Азией, на построение мощного транзитного коридора, способного стать драйвером развития прилегающих территорий и всей страны. Центральным компонентом второй широтной оси должен стать Северный морской путь.

В отличие от Транссиба, где скорость модернизации имеет огромное значение (она уже недопустимо запаздывает), развивать СМП следует постепенно. На настоящий момент слишком значительные неопределенности связаны как с изменениями климатических условий, так и особенно с предполагаемым грузопотоком. В то же время, по мере роста внимания государства к СМП и развития инфраструктуры привлекательность трассы будет расти, а вместе с ней будет повышаться и интерес со стороны инвесторов. Постепенно будет появляться все больше возможностей для развития СМП силами государственно-частного партнерства и иностранных инвестиций, без критической нагрузки на государственный бюджет.

СМП окажет значительное положительное влияние на развитие прилегающих к маршруту регионов. И наоборот, перспективы СМП во многом зависят от темпов освоения арктической зоны. На первом этапе отдача от вложений в развитие СМП будет во многом определяться ходом разработки энергоресурсов Ямала и развития его экспортной инфраструктуры (в первую очередь, в рамках порта Сабетта).

Развитие транспортной системы северных территорий должно носить комплексный характер. Необходима модернизация внутренней системы водного транспорта, и в ней должны участвовать как отдельные регионы (Якутия, например, это уже делает) так и власти федерального уровня.

Создание развитой водотранспортной системы – еще один шаг к преодолению континентальности внутренних районов Сибири. В узловых точках комплексной водотранспортной системы необходимо создание мультимодальных комплексов.

Теоретически инфраструктура Северного морского пути может быть гармонично дополнена сетью железных дорог, в первую очередь, Северным широтным ходом (СШХ), объединяющим станцию Чум (Коми), станцию Обская (поселок Лабытнанги, ЯНАО), Салехард (расположен на противоположном от Лабытнанги берегу р. Обь), Надым, Пангоды, Коротчаево (Новый Уренгой), Игарку (Красноярский край) в единую трансполярную магистраль. Она должна стать частью подъездной инфраструктуры к порту Сабетта на Ямале и значительно увеличить направляемый через него грузопоток. Кроме того, соединение с Новым Уренгоем даст выход на Ямбург на Тазовском полуострове и на Сургут; Сургут, в свою очередь, является пунктом на магистрали Тобольск–Сургут–Нижневартовск.

Тем не менее, реализация подобных масштабных проектов силами государства, по-видимому, пока не может быть оправдана. Точно так же как и строительство меридиональных железных дорог, соединяющих

СШХ и СМП с Транссибом. Использование концессий, а также разрешение строительства частных железных дорог с выработкой механизма их стыковки с государственным Транссибом со временем позволит создать необходимую железнодорожную сеть силами частного бизнеса.

Скорость доставки – это ключевой фактор конкурентоспособности СМП; следовательно, развитие инфраструктуры необходимо сфокусировать на обеспечении предсказуемости времени прохождения маршрута. Ключевой в этой связи является не только развитие портовой и навигационной инфраструктуры, но и развитие ледокольного флота. Строительство ледоколов требует и времени, и дополнительных средств. Так что текущий избыток мощностей (в настоящее время в России функционируют 6 атомных и 9 дизель-электрических ледоколов) без реализации программ модернизации флота может смениться их дефицитом, что значительно подорвет конкурентоспособность трассы. Между тем, обеспечение услуг ледокольной проводки для России – один из главных экономических плюсов от использования СМП в транзитных целях.

Одно из часто высказываемых опасений, касающихся использования СМП, касается вопросов окружающей среды. Тем не менее, вопреки распространенному мнению, едва ли ужесточение требований к ее охране значительно ухудшит потенциал СМП. При сравнении СМП с другими путями значительная экономия приходится не только на сокращение затрат на топливо, запасы

в пути и страхование рисков, но и на сокращение абсолютных объемов выбросов. Северный морской путь является наиболее экологически чистым из всех трасс, соединяющих Европу и Азию.

В плане социальной психологии важно и то, что СМП соединяет два региона России – Европейский Север и Сибирь, которые очень схожи по своей истории и идентичности. И там, и там не было крепостного права. И там, и там ключевым мериллом экономического успеха была частная инициатива. Русские поморы освоили территорию от Шпицбергена до Аляски. Их знания северной навигации, их кораблестроительные навыки, их опыт плаваний и зимовок в Арктике уникален. Общность истории Сибири и Севера может стать важным символическим стимулом к развитию СМП, дополняющим экономико-политическую целесообразность.

России стоит максимально использовать возможности осуществления совместных с зарубежными партнерами проектов, связанных с освоением СМП. Норвежские технологии навигации в Арктике, корейские возможности судостроения, сингапурский опыт развития инфраструктуры – все это может быть использовано в рамках международного партнерства. Вместе с тем, во взаимоотношениях с другими странами России важно отстаивать свои принципиальные интересы: безусловный суверенный контроль за СМП, свое доминирование в предоставлении услуг ледокольной проводки, увязка развития СМП с развитием прилегающих к нему территорий.

Для привлечения зарубежных партнеров к освоению СМП требуются серьезные усилия со стороны государства. Устранение имеющихся институциональных барьеров (см. выше) необходимо, но недостаточно. В связи с тем, что вложения в инфраструктуру маршрута в любом случае связаны с высокой неопределенностью, необходимы специальные механизмы государственных гарантий,

России стоит максимально использовать возможности осуществления совместных с зарубежными партнерами проектов, связанных с освоением СМП

подразумевающие строгое разделение ответственности между инвесторами и государством. С учетом относительно небольшого числа потенциальных зарубежных партнеров (крупнейшие судоходные, судостроительные, логистические и инженеринговые компании, имеющие опыт работы в арктических водах) необходимо, в том числе, привлечение инвесторов «в ручном режиме». Ключевую роль в этом процессе должна играть Администрация Северного морского пути, которая, однако, в настоящее время выполняет роль скорее бюрократического заслона, чем агентства по привлечению инвестиций. Привлечение к обустройству маршрута даже нескольких игроков мирового уровня позволит сразу же резко нарастить грузопоток – крупный бизнес в морском судоходстве имеет широкую систему устойчивых свя-

зей, действующую на основе долгосрочных контрактов, и приход на Северный морской путь крупной судоходной компании автоматически привлечет капитал ее партнеров из смежных отраслей.

Для стимулирования международного сотрудничества в Арктике России пора перестать игнорировать проблемы, крайне

важные для иностранных партнеров. В первую очередь, это касается проблемы изменения климата. В то время как в азиатских странах (как и в мире в целом) однозначно признаны антропогенный характер потепления и ключевое значение Арктики для этого процесса, в России до сих пор широко распространен климатический

скептицизм, разделяемый как рядом научных учреждений (в том числе, в значительной степени Арктическим и Антарктическим научно-исследовательским институтом), так и политическими элитами. В отношении к Арктике популярна теория климатических циклов, согласно которой в регионе в скором времени начнется похолодание. Эта теория идет вразрез с выводами Межправительственной группы экспертов по изменению климата – наиболее авторитетной организации, действующей под эгидой ООН, которая утверждает, что, если циклы и существуют, они накладываются на долгосрочный тренд повышения температуры, но не отменяют его.

Скептицизм в отношении антропогенного характера изменений климата, наблюдае-

мый в России, отодвигает проблемы климатических исследований в Арктике в разряд третьестепенных. В то же время, он формирует у российских элит ощущение того, что климатические аргументы используются азиатскими странами лишь как повод для полноценного участия в региональных процессах. Рождается атмосфера недоверия, еще усиливающаяся в связи с традиционной привычкой видеть в действиях иностранных держав попытки покушения на российский суверенитет, а также достаточно прочно укоренившимися в сознании элит опасениями по поводу «китайской угрозы».

В этой связи огромное значение имеет интеграция российской климатической науки в мировую. Это не только повысит ее качество, но и, как показано выше, снимет ряд противоречий политического характера. Расхождение во взглядах на природу климатических измене-

ний должно служить не препятствием для научной кооперации, а наоборот, стимулом к ней. Для российской науки такая кооперация будет несомненным благом еще и потому, что позволит привлечь финансовые ресурсы из-за рубежа. Совместно финансируемая модернизация российских метеорологических станций, спутникового оборудования, системы мониторинга климатической информации позволит создать научную базу принципиально нового уровня. Это в свою очередь поможет снять многие научные противоречия, а главное – превратить Арктику в огромную исследовательскую лабораторию, роль которой она, с учетом важности и сложности собственных экосистем, и обязана исполнять. Интенсификация арктических исследований будет служить не только фундаментальным научным целям, но и прикладным – в частности, развитию информационного сопровождения Северного морского пути.

Источники

1. Караганов С.А., Бордачев Т.В., Барабанов О.Н. К Великому океану, или новая глобализация России. М.: МДК «Валдай», 2012.
2. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 27 февраля 2012
3. Подробнее см. Сумский В.В., Канаев Е.А., Колдунова Е.В. Интересы России в Азиатско-тихоокеанском регионе: безопасность и развитие / Ред. И.С. Иванов. – М.: Издательство «Перспектив», 2012; Сумский В.В., Канаев Е.А., Колдунова Е.В., Завадский М.С., Зиновьева Е.С., Ионцев В.А., Киреева А.А., Лихачев В.Л., Луконин С.А., Менжулин Г.В., Новиков А.В., Прохорова Ю.А., Севастьянов С.В., Стапран Н.В. Азиатско-тихоокеанские ориентиры России после саммита АТЭС во Владивостоке / Ред. И.С.Иванов. М., 2013
4. По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации (данные предварительные).
5. По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации (данные предварительные).
6. По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации.
7. По данным Федеральной службы государственной статистики.
8. По данным World Development Indicators.
9. По данным World Development Indicators.
10. Афонцев С. Новый регионализм // ПостНаука, 20 марта 2013.
11. Кучук И.В., Фокин Н.И. Присутствие Китая в экономике России: формы, динамика, прогноз // Информационно-аналитический бюллетень «У карты Тихого океана», №25 (223). 2012
12. Киссинджер Г. О Китае. М., 2012.
13. Друзяка А.В. Миграционное присутствие китайцев на Дальнем Востоке России // Информационно-аналитический бюллетень «У карты Тихого океана», №25 (223). 2012.
14. Кучук И.В., Фокин Н.И. Присутствие Китая в экономике России: формы, динамика, прогноз // Информационно-аналитический бюллетень «У карты Тихого океана», №25 (223). 2012.
15. Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy, November 2011.
16. См., например: Mankoff J., Varabanov O. Prospects for U.S.-Russia Cooperation in the Asia-Pacific Region. The United States and Russia in the Pacific Century. Cambridge (Mass.): Working Group on the Future of U.S.-Russia Relations. 2013.
17. Там же.
18. Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова «Россия будет стабилизирующим фактором в АТР», опубликованное в газете «Известия» 27 января 2012 г.: <http://mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e70041999c0/c32577ca017458644257992001focad!OpenDocument>.
19. Подробнее см.: Выступление заместителя Министра иностранных дел России И.В. Моргулова на заседании 27-го Азиатско-Тихоокеанского «круглого стола» по безопасности, Куала-Лумпур, 5 июня 2013 г.: <http://mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e70041999c0/44257b100055e10444257b82003e03do!OpenDocument>; Лавров С.В. К миру, стабильности и устойчивому экономическому развитию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. МИД РФ. 5 октября 2013 г.: <http://mid.ru/bdomp/>

- ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/44257b100055e10444257bfb002574fo!OpenDocument .
20. Yoon Young-Kwan. Can East Asians Cooperate? // Project Syndicate, April 28, 2011.
 21. Антрим К. Партнерство вокруг 180-го меридиана // Россия в глобальной политике, №3, 2013.
 22. На этом делают акцент скептики и недоброжелатели сибирского потенциала России, в том числе и зарубежные. См. напр.: Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Прочтения советского планирования и будущее России. М., 2007.
 23. По данным Росстата, UN Department of Economic and Social Affairs Population Division, US Census Bureau.
 24. Кокошин А.А. Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года. М., 2012.
 25. По данным Федеральной службы государственной статистики.
 26. Самые богатые города России: <http://ideas-of-business.ru/samyie-bogatye-goroda-rossii/>.
 27. Савченко А. Почему программы развития Дальнего Востока не работают? (Комментарий к заседанию Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока): Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН: <http://ihaefe.org/news/2382>; Самые автомобильные города России: Владивосток, Красноярск, Сургут, Тюмень, Краснодар и Москва: <http://in-drive.ru/5504-samyie-avtomobilnye-goroda-rossii-vladivostok.html>.
 28. Савченко А. Почему программы развития Дальнего Востока не работают? (Комментарий к заседанию Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока): Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН: <http://ihaefe.org/news/2382>.
 29. Там же.
 30. По данным Федеральной службы государственной статистики.
 31. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Внешняя политика России, безопасность и сотрудничество в АТР в зеркале общественного мнения (по результатам опроса жителей Дальнего Востока 2010 г.) // Россия и АТР, №1, 2011.
 32. Караганов С.А., Бордачев Т.В., Барабанов О.Н. К Великому океану, или новая глобализация России. М.: МДК «Валдай», 2012.
 33. Ремнев А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Сибирская заимка, 18 апреля 2013.
 34. Там же.
 35. Там же.
 36. Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX — начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения // Сибирская заимка, 1 октября 2001.
 37. Приведем несколько цитат: «О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя...» Чехов А.П. Письмо А.С. Суворину от 9 декабря 1890 г. «Томск город скучный, нетрезвый; красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское. Замечателен сей город тем, что в нём мрут губернаторы». Чехов А.П. Письмо А.С. Суворину от 20 мая 1890 г.
 38. Ремнев А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Сибирская заимка, 18 апреля 2013.
 39. Савельев О.В. ФЦП «Сибирь» – преемница Генплана 1930 г. // Наследие отечества, 2010: http://old.nasledie.ru/fin/6_4/article.php?art=5

40. По данным Федеральной службы государственной статистики.
41. Послание Президента Федеральному собранию 1999 г.
42. См., например: Зелев М. Могущество России Сибирью убывает // Ведомости, 3 сентября 2013.
43. Караганов С.А. Возвращение геополитики прошлого не отменяет будущего // Ведомости, 10 апреля 2013.
44. Кокошин А.А. Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года. М., 2012; Иноземцев В.Л., Пономарев И.В., Ръжков В.А. Континент Сибирь // Россия в глобальной политике. №12, 2012.
45. Кокошин А.А. Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года. М., 2012.
46. Крупнов Ю. и др. Сибирь – новая Центральная Россия. Как Юг Западной Сибири станет экономическим центром Планеты. М., 2013.
47. Крюков В.А., Силкин В.И., Шмат В.В. на краю пропасти, или как мы заблудились в поисках легких путей // ЭКО, №8, 2012.
48. Иноземцев В.Л. Стратегия развития: жить за счет ресурсов // Ведомости, 7 августа 2013.
49. Там же.
50. BP Statistical Review of World Energy, June 2013.
51. Гидроресурсы России освоены на 21%: <http://www.dkvartal.ru/firms/98679417/news/236664577>
52. Похиленко Н.П., Афанасьев В.П., Толстов А.В., Ягольницер М.А. Импактные алмазы – новый вид высокотехнологичного сырья // ЭКО, №12, 2012.
53. Крюков В.А., Толстов А.В., Самсонов Н.Ю. Стратегическое значение редкоземельных металлов в мире и в России // ЭКО, №11, 2012.
54. Подробнее см.: Караганов С.А., Бордачев Т.В., Барабанов О.Н. К Великому океану, или новая глобализация России. М.: МДК «Валдай», 2012.
55. Подробнее о динамике факторов силы в современном мире см. Лики силы. Интеллектуальная элита России и мира о главном вопросе мировой политики / Под ред. С.А. Караганова и Т.В. Бордачева. М., 2013.
56. USGS. Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle, 2008: <http://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf>
57. Falck H. Voyage Calculation: Status, Challenges and Opportunities // Tschudi Shipping Company AS, Международная конференция «Северный морской путь: состояние, проблемы, перспективы», 11–12 апреля 2013 года - http://www.arctis-search.com/tiki-download_wiki_attachment.php?attId=207
58. Князевский К. Развитие СМП для международного коммерческого судоходства // Росатомфлот, Международная конференция «Северный морской путь: состояние, проблемы, перспективы», 11–12 апреля 2013 г.
59. Борджерсон С. Грядущий бум в Арктике // Россия в глобальной политике. №4, 2013.
60. ВЦИОМ. Сибирь и Дальний Восток – забытый край или локомотив развития?: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112841>
61. Иноземцев В.Л. Транзита не выйдет // Ведомости, 29 ноября 2012.
62. Крупнов Ю. и др. Сибирь – новая Центральная Россия. Как Юг Западной Сибири станет экономическим центром Планеты. М., 2013.
63. Иноземцев В.Л. Экономика пространства: воздух против рельса // Ведомости, 11 июня 2013.